L-4
51

РОМАНЪ ВЪ АНГЛІИ

(ЖИЗНЬ ЗА ЖИЗНЬ)

ЗАМѢТКИ

М. ШАВРОВА.

МОСКВА.
Въ типографіи Каткова и К°.
1862.

Одобрено цензурой въ Москвѣ, 3 августа 1862 года.

Посвящается

ЕЛЕНѢ КОНСТАНТИНОВНѢ

КОРОСТОВЦОВОЙ.

Очень легко могло случиться, что прекрасный романъ *Жизнь за жизнь* не былъ бы мною прочитанъ. Заглавіе у него такое странное, имя автора было мнѣ неизвѣстно; а главное, это—переводный романъ, не манящій къ себѣ обѣщаніемъ познакомить меня съ тѣмъ что меня окружаетъ, чему могу живо сочувствовать: что жь удивительнаго еслибы чтеніе его отложено было *до болѣе удобнаго случая*? Но вышло не такъ: я съ нѣкоторымъ нетерпѣніемъ ожидалъ появленія этого романа въ русскомъ переводѣ; помнится, я даже заходилъ раза два въ книжный магазинъ Базунова, чтобы справиться, скоро ли выйдетъ въ свѣтъ книжка *Русскаго Вѣстника*, въ которой должно было появиться начало романа. А когда, наконецъ, книжка была получена,—я прежде всего разрѣзалъ въ ней романъ *Жизнь за жизнь*. Мнѣ заранѣе рекомендовали этотъ романъ, еще до перевода его на русскій языкъ, когда еще не было извѣстно, будетъ ли онъ переведенъ: я услышалъ еще тогда относительно его нѣсколько восторженныхъ словъ,—и вотъ это заставило меня поспѣшить чтеніемъ.

Чтеніе началось; страница слѣдовала за страницей. Помню: первая глава заставляла меня не разъ улыбаться. Здѣсь героиня и вмѣстѣ разкащица очень наивно и мило резонерствуетъ; она еще и сама не знаетъ что именно заставляетъ ее и писать, и резонерствовать; тѣмъ болѣе читатель не можетъ знать этого, а потому и нельзя ему не улыбаться на ея милое и наивное резонерство. Но чтеніе

продолжается, страница смѣняется страницей, сущность дѣла начинаетъ объясняться,—и прежняя улыбка уже не смѣетъ появляться на моемъ лицѣ, и во мнѣ начинаютъ роиться серіозныя думы. Такъ сталъ интересовать меня уже самый романъ, и слѣдующей книжки *Русскаго Вѣстника*, съ продолженіемъ романа, я ожидалъ нетерпѣливо....

Романъ давно уже прочитанъ. Но я хочу возвратиться къ нему, чтобы пристальнѣе всмотрѣться въ черты его героевъ, чтобы больше познакомиться съ ними и тою жизнію, какою они жили, чтобы глубже укоренилось въ душѣ все передуманное и перечувствованное во времячтенія.

I.

Миссъ Дора—главная героиня романа. Она родилась въ суровомъ семействѣ пастора-ригориста. Въ этомъ семействѣ было преданіе объ убійствѣ. Но отецъ-ригористъ мало обращалъ вниманія на свою среднюю дочь; а убійство совершилось въ то время, когда она была еще очень мала. Старшая сестра миссъ Доры заступила въ семействѣ мѣсто матери, а младшая была красавица; поэтому отецъ былъ къ нимъ ближе; но средняя дочь оставалась въ сторонѣ, она была предоставлена самой себѣ. Это сдѣлало зоркими ея глазки; рано пріучило ее къ самодѣятельности. Примѣры суроваго ригоризма совершались предъ ея глазами; по временамъ, шепотомъ, полутаинственно, говорили при ней о несчастной смерти ея брата, бѣднаго Гарри: все это должно было дѣйствовать на воспріимчивую душу Доры,—и точно, все это оказывало на нее вліяніе, но очень своеобразно. Ригоризмъ прикоснулся къ ней болѣе своею поэтическою стороной какъ *героизмъ* и *самоотверженіе*. И вотъ она, еще молоденькая дѣвушка, уже мечтаетъ о самоотверженіи; въ драмѣ Шиллера встрѣчается она съ Теклой и Максомъ Пиколомини,—и они становятся для нея *идеалами* мущины и женщины. Еще оригинальнѣе подѣйствовало на нее семейное таинственное преданіе о насильственной смерти брата. На ея воображеніе убійство произвело впечатлѣніе не какъ кровавая катастрофа, которая заставляетъ содрогаться, которая даже въ самомъ добромъ и мягкомъ сердцѣ возбуждаетъ чувство ненависти и мести къ

убійцѣ, — но просто какъ дурное дѣло, которое противно ея душѣ, кѣмъ бы, когда бы и въ какомъ бы видѣ оно ни было совершено. Съ такимъ взглядомъ она является на первыхъ страницахъ, на первыхъ строкахъ романа,—когда увѣряетъ и себя и другихъ, что она „ненавидитъ военныхъ.“ Эта ея ненависть къ военнымъ за то, что „они убиваютъ,“ воспитана въ ней семейнымъ преданіемъ объ убійствѣ брата. Но ненависть миссъ Доры къ военнымъ не была настоящая ненависть. Вѣдь она, на вечерѣ у мистриссъ Грантонъ, охотно пошла бы танцовать съ каждымъ изъ этихъ кавалеровъ, которыхъ такъ наивно ненавидѣла. Что же такое была ея ненависть? Это была только ея нелюбовь ко всему тому что кажется дурнымъ, — но нелюбовь спокойная, безъ всякой горечи, не простирающаяся на самаго человѣка, въ которомъ замѣчается или предполагается дурное, а напротивъ способная ужиться рядомъ съ теплымъ участіемъ къ этому человѣку, даже съ уваженіемъ къ нему, если въ немъ, кромѣ замѣченнаго дурнаго, найдется что-нибудь достойное уваженія. Вотъ какое прекрасное и рѣдкое свойство образовалось въ миссъ Дорѣ подъ вліяніемъ таинственнаго преданія объ убійствѣ брата! Это свойство въ послѣдствіи развивалось въ ней больше и больше,—и она не усомнилась отдать свою руку убійцѣ своего брата, когда убѣдилась въ высокихъ достоинствахъ этого убійцы. Говоря о прошедшемъ миссъ Доры, сдѣлавшемъ изъ нея такую обаятельную героиню, не могу не обратить вниманія еще на одно обстоятельство изъ первыхъ лѣтъ ея молодости. Это—дѣтская дружбы Доры съ „*моимъ Колиномъ*“, принятая было ею за настоящую любовь. Максъ Эрквартъ долженъ быть очень, очень благодаренъ Колину за эту его дружбу съ Дорой: не будь ея,—кто знаетъ? — быть-можетъ, онъ не нашелъ бы въ Дорѣ того съ чѣмъ она явилась передъ нимъ. Вѣдь, дѣло нравственнаго самовоспитанія, развитіе самостоятельности — дѣло слишкомъ трудное; часто оно бываетъ не подъ силу и мущинѣ. А миссъ Дорѣ, при этомъ, нужно было еще сохранить и развить въ себѣ женственность. Дружба съ „моимъ Колиномъ,“ освѣтившая ея первые молодые годы, очень много помогла ей въ этомъ случаѣ.

Итакъ много нужно было пережить миссъ Дорѣ, чтобы сдѣлаться героиней романа,—такъ много, что я нисколько

не удивляюсь ея двадцати пяти годамъ, когда она дѣлается героиней. Какого же рода она героиня? Героиня любви, — но любви *разумной*, и вотъ въ этомъ заключается вся тайна ея чарующихъ свойствъ.

Задаю вопросъ: что̀ такое *разумная* любовь? — и, чтобъ отвѣчать на него, всматриваюсь въ личность Доры: вотъ прекрасный образецъ такой любви.

Самымъ яснымъ образомъ миссъ Дора доказываетъ, что разумная любовь требуетъ подготовки, что она можетъ родиться не во всякой душѣ, — и это прежде всего нужно замѣтить. Любовь воображенія (самая опасная) отрываетъ человѣка отъ дѣйствительности и уноситъ въ міръ мечтательный: человѣку дѣлается скучно и грустно въ той средѣ, гдѣ онъ жилъ доселѣ; ему любо уноситься въ самосозданный міръ, въ которомъ все выкроено по его мѣркѣ, все — по его вкусу. И вотъ человѣкъ дѣлается задумчивъ, грустенъ, нелюдимъ: по этимъ признакамъ, и самъ онъ, и всѣ окружающіе тотчасъ догадываются объ его любви. Любовь одного безсознательнаго чувства проявляется въ порывистыхъ, часто безтолковыхъ движеніяхъ души, которыя самымъ прихотливымъ образомъ смѣняются одно другимъ. Это — самый очевидный изъ всѣхъ видовъ любви. Любовь одного безсознательнаго чувства не отрываетъ человѣка отъ дѣйствительности, но ставитъ къ ней въ фальшивое, иногда даже смѣшное отношеніе, и заставляетъ часто человѣка дѣлать очень странныя сумазбродства. Любовь разумная, какъ любовь цѣлой души, напротивъ, обращаетъ человѣка къ дѣйствительной жизни, — и въ этомъ ея главный признакъ. Мало того: разумная любовь ставитъ человѣка въ *истинныя* и *вѣрныя* отношенія къ дѣйствительности. Пробудившаяся душа начинаетъ внимательно всматриваться во все окружающее: что̀ прежде не замѣчалось, то теперь замѣчается; что̀ прежде затемнялось какимъ-нибудь пристрастіемъ, или предразсудкомъ, то теперь выясняется и начинаетъ представляться въ истинномъ свѣтѣ; что̀ прежде дѣлалось вяло, безъ искренняго душевнаго участія, то теперь дѣлается живо, съ энергіей. Да, разумная любовь свое возбудительное и живительное вліяніе простираетъ на всего человѣка, — на всѣ его мысли, чувства, слова и дѣла: а между

тѣмъ, повидимому, какъ будто никакой перемѣны не произошло въ человѣкѣ...

Это съ миссъ Доры я снимаю портретъ. Нужно повѣрить, точенъ ли онъ...

Вотъ она принялась писать нѣчто въ родѣ дневника, замѣтокъ или исповѣди. Что̀ это значитъ? Неужели это случайность, прихоть автора, создавшаго ея личность? Нѣтъ, это инстинктъ ея души, пробужденной начинающеюся любовію. А откуда эта необыкновенная вѣрность и послѣдовательность ея замѣтокъ, составившихъ самую стройную повѣсть? Старшая сестра Доры тоже писала, въ продолженіе десяти лѣтъ, длинныя воскресныя письма; но я увѣренъ, что изъ нихъ никакъ бы нельзя было составить что-нибудь связное и цѣлое. Кто же научилъ Дору этой удивительной стройности, послѣдовательности и связности? Любовь, та разумная любовь, которая зародилась въ ея душѣ. Подъ ея вліяніемъ, она стала озираться кругомъ и пристально всматриваться въ окружающую ее дѣйствительность; подъ ея вліяніемъ, она стала такъ хорошо понимать свою среду. Подъ вліяніемъ этой свѣтлой любви, миссъ Дора угадала то что̀ было недоступною тайной для всѣхъ прочихъ членовъ ея семейства, именно что у нихъ *странное семейство*. Мнѣ даже кажется, что она угадала и то, гдѣ причина этой странности, хотя ея языкъ, языкъ дочери, и не выговорилъ этого.

Пока человѣкъ, подъ вліяніемъ зараждающейся любви, всматривается въ окружающую его дѣйствительность, сама любовь остается въ его душѣ невидимою, безыменною гостьею. Но вотъ наступаетъ новый періодъ любви. На пестрой канвѣ окружающихъ человѣка предметовъ начинаетъ выдѣляться одинъ предметъ, одно лицо. Какъ бы постепенно приближаясь изъ мглистой дали, яснѣе и яснѣе начинаетъ оно представляться, чаще и чаще припоминаться, а вмѣстѣ съ этимъ ощущается какая то близость къ этому лицу, какое-то родство съ нимъ... Тайна объясняется... Невидимая безыменная гостья является въ опредѣленномъ образѣ, получаетъ имя... Страхъ, трепетъ, радость обнимаютъ душу при этомъ открытіи. „О Боже, я влюблена!“ воскликнула при такомъ открытіи одна русская героиня въ одномъ русскомъ романѣ (Елена въ *Накануне* г. Тургенева).

Но это съ миссъ Доры я пишу портретъ, а не съ моей любезной соотечественницы. Черты Доры гораздо яснѣе и опредѣленнѣе чѣмъ у ней. Въ умныхъ разказахъ миссъ Доры съ дивною ясностію раскрытъ этотъ періодъ любви, когда любовь постепенно выясняется, когда открывается и то лицо, которое возбудило любовь и оживило душу... Въ первыхъ ея разказахъ, фигура Макса Эрkварта является наравнѣ со всѣми прочими фигурами; она ее очерkиваетъ, но не больше и не яснѣе другихъ фигуръ; и не будь въ романѣ, рядомъ съ разказами Доры, разказовъ самого мистера Эрkварта, не скоро бы можно было догадаться, что его судьба должна будетъ слиться съ ея судьбой. Но дальше, въ послѣдующихъ разказахъ, фигура Макса Эрkварта больше и больше выступаетъ впередъ; наконецъ, она дѣлается центромъ, около котораго группируются прочія фигуры. Миссъ Дора не воскликнула, kакъ моя соотечественница: „О Боже, я влюблена!“—когда для нея объяснилась тайна ея души, тайна ея судьбы, тайна всей ея жизни. Да, она не сдѣлала этого восклицанія: но это потому что она постепенно дошла до объясненія своей душевной тайны. Никакого перерыва нѣтъ въ ея разказахъ; между тѣмъ каждый можетъ указать: вотъ здѣсь, въ этотъ моментъ, произошла перемѣна. Чудный разказъ начинается обращеніемъ kъ „милому мѣсяцу“; тѣмъ же самымъ обращеніемъ онъ и оkанчивается. И что за праздничный колоритъ разлитъ по этому разказу! Моему воображенію живо представляется лицо Доры въ эту минуту. Нѣтъ на немъ слѣдовъ порывистаго увлеченія; но все лицо ея свѣтитъ тихою, ясною радостью. Случалось мнѣ нѣсколько разъ видѣть на лицахъ такую радость, и изъ этихъ опытовъ я вынесъ убѣжденіе, что она даже урода дѣлаетъ красавцемъ. Но на миссъ Дору глядѣлъ только ея другъ, „милый мѣсяцъ“, когда ея лицо освѣтилось этою ясною радостію...

Многіе останавливаются на объясненіи для себя тайны своей жизни и своей судьбы. Любовь обаятельна, даже и въ то время, когда ея нѣтъ въ душѣ на самомъ дѣлѣ: потому-то и встрѣчаются иногда люди, воображающіе, что они любятъ, и даже сильно волнующіеся отъ такого воображенія. Тѣмъ болѣе обаятельна любовь, когда она живо ощущается въ душѣ,—такъ обаятельна, что для многихъ

исчезаетъ все на свѣтѣ кромѣ этой любви и любимаго человѣка, и вся жизнь представляется имъ какъ сплошной праздникъ любви, и помрачись какъ-нибудь этотъ праздникъ,—вся жизнь пропала. На всѣхъ языкахъ написано множество романовъ, гдѣ на разныя манеры разказывается эта печальная исторія человѣческаго сердца... Я сказалъ: *печальная*, и вотъ причина: во всѣхъ подобныхъ случаяхъ *любовь* не достигаетъ послѣдней, самой важной, своей *разумно-человѣческой* цѣли. Оставаясь только наслажденіемъ, она не приноситъ человѣку тѣхъ нравственныхъ плодовъ, какіе должна принести, или не приноситъ въ той мѣрѣ, въ какой можетъ принести. Но Дора не изнемогла подъ этимъ обаяніемъ, оттого-то она сама вышла такъ обаятельна. Когда она убѣдилась, что ея душа не одинока, для нея началея тотъ періодъ самоиспытанія, когда человѣкъ получаетъ окончательный нравственный закалъ, когда въ немъ все бывшее доселѣ шаткимъ получаетъ твердость и крѣпость, когда все отрывочное и разрозненное въ душѣ получаетъ цѣлость и приходитъ въ стройную гармонію. „Я теперь не одинока",—чувствовала она, и въ этомъ свѣтломъ чувствѣ заключалась для нея бездна побужденій къ той тонкой добросовѣстности, въ силу которой человѣкъ старается опредѣлить для самого себя что̀ онъ такое.

Какъ же это дѣлалось?

Самоиспытаніе миссъ Доры не походило на суровый отчетъ холоднаго ума; оно не походило на обыкновенный анализъ своихъ поступковъ, мыслей и чувствъ—тяжелое свойство мущинъ. Я не могу прибрать слова, чтобъ имъ обозначить ея состояніе, и нахожусь вынужденнымъ прибѣгнуть къ сравненію и примѣру. Вотъ мы читаемъ страницу вдохновеннаго поэта; на нашей душѣ мирно и спокойно, и впечатлѣнія полною струею льются въ нашу душу. Душа не пассивно принимаетъ впечатлѣнія, но и сама дѣйствуетъ. Подъ вліяніемъ поэтическаго разказа, драматической сцены, лирической пѣсни, всплываютъ наверхъ дотолѣ таившіяся въ душѣ убѣжденія, и съ этой минуты дѣлаются именно нашими убѣжденіями, которыя мы проводимъ потомъ въ жизнь и дѣятельность. Здѣсь нѣтъ напряженія и усилія, а между тѣмъ мы пріобрѣтаемъ нравственной пользы, набираемся нравственной силы гораздо больше нежели сколько можетъ доставить самый тя-

желый трудъ, самое напряженное усиліе. Самая жизнь стала для нея чудесною поэмою, вызывающею изъ глубины ея души всѣ таившіяся въ ней убѣжденія и соединяющею ихъ въ стройное цѣлое: и въ этомъ-то состоялъ тотъ отчетъ, который она отдавала себѣ о себѣ, когда почувствовала, что ея душа не одинока. Вотъ, во время болѣзни мистера Джонстона, въ одинъ вечеръ, все его семейство собралось въ кружокъ, и началась бесѣда. Рѣчь зашла о любви. Ея младшая сестра, беззаботная Лизабель, со смѣхомъ увѣряетъ, что она за ничто считала бы своего Августа, еслибъ онъ ей, своей *богинѣ*, не принесъ въ жертву всего, всего. даже своихъ обязанностей, своего долга. А Дора, напротивъ, съ жаромъ утверждаетъ, что она не могла бы ни любить, ни даже уважать того мущину, который бы для нея пожертвовалъ своими обязанностями. Здѣсь, при этомъ случаѣ, выступило наружу ея задушевное убѣжденіе; оно теперь вполнѣ выяснилось для нея, и она, съ этой минуты, уже всегда будетъ руководиться этимъ прекраснымъ убѣжденіемъ. И такъ стало случаться съ нею при всѣхъ случаяхъ и при всѣхъ обстоятельствахъ. Въ разказахъ повсюду встрѣчаются прекрасныя размышленія Доры, и, читая ихъ, чувствуешь, что это—*убѣжденія, убѣжденія живыя*, исходящія изъ глубины души и достигающія полнаго сознанія.

И вотъ окрѣпла ея душа для подвиговъ жизни. И она стала совершать ихъ, но уже не одна, а вмѣстѣ съ своимъ добрымъ другомъ, Максомъ Эрквартомъ. Ея жизнь слилась съ его жизнію, хотя они и разлучились; слилась до того, что Доры нельзя и представить безъ Макса Эрквартa. Поэтому я теперь долженъ обратиться къ мистеру Эрквярту; но предварительно сдѣлаю два-три замѣчанія относительно миссъ Д ры.

Первое замѣчаніе—касательно ея разлуки съ мистеромъ Эрквартомъ. Она разлучилась съ нимъ, при полной увѣренности въ него, въ себя и въ свою общую свѣтлую будущность,—разлучилась, питая самую твердую надежду снова сойдтись, и потому безъ тѣхъ тяжелыхъ мукъ, которыми, обыкновенно, сопровождаются подобныя разлуки. Мнѣ даже кажется, что еслибъ ея разлука была навѣки, еслибъ обстоятельства, раздѣлившія ее съ мистеромъ Эрквартомъ, были непреодолимы,—и въ такомъ случаѣ не было

бы болѣзненной агоніи: въ себѣ самой, въ окрѣпнувшей и нравственно-закалившейся своей душѣ, она нашла бы силы перенести и такую разлуку. Въ этомъ меня увѣряетъ то, что, около времени разлуки, свѣтлая любовь миссъ Доры дошла до того предѣла, когда послѣдствія любви, нравственные плоды ея, ощущаются сильнѣе чѣмъ даже самая любовь.

Второе замѣчаніе касательно характера подвиговъ Доры. Всѣ свои богатыя силы она отдала другимъ, окружающимъ ее лицамъ. Она поддержала свою старшую сестру въ самыя страшныя минуты ея жизни и помогла ей одержать побѣду надъ самой собою, помогла ей преобразиться въ новаго человѣка. Подъ ея чарующимъ вліяніемъ, пошатнулся ея отецъ, и понялъ, что есть нѣчто выше безпощадной Немезиды, и это нѣчто есть человѣческое чувство, освѣтленное живою мыслію и укрѣпленное нравственными убѣжденіями. При помощи обратившагося отца, сестры Пенелопы и своего друга, Макса Эркварта, Дора спасла отъ конечной погибели Франсиса, Лидію и ихъ маленькаго сына. Но она совершала всѣ эти подвиги, сама не зная имъ цѣны. Это—высшее проявленіе человѣческой нравственности: такъ можетъ дѣйствовать только душа вполнѣ умирившаяся и устроившаяся, для которой дѣлать добро стало уже естественною потребностію. Съ другой стороны, всѣ ея подвиги совершались такъ просто и такъ естественно, такъ непринужденно, что ихъ какъ будто и не замѣчали окружающіе люди, разумѣется, исключая ея добраго друга, мистера Эркварта.

Сдѣлаю еще *третье* и *послѣднее* замѣчаніе. Та разумная любовь, которой миссъ-Дора представляетъ такой прекрасный образецъ, всегда бываетъ счастлива. Здѣсь подъ счастіемъ я разумѣю не *обстоятельства* болѣе или менѣе благопріятныя, а именно то что въ любви есть главное счастіе: я разумѣю *взаимность*. Еслибы судьба Доры была иная, еслибъ ея романъ кончился печальною катастрофой, — и въ такомъ случаѣ я не усумнился бы ея любовь назвать счастливою. Да, разумная любовь, въ смыслѣ взаимности, всегда счастлива, и миссъ Дора не составляетъ исключенія. Не вѣрить въ счастіе такой любви значитъ отказаться отъ вѣры въ человѣческую природу, когда она дѣйствуетъ и проявляется во всемъ своемъ достоинствѣ.

II.

Первоначально Максъ Эрквартъ не производилъ на меня большаго впечатлѣнія; въ его личности я даже находилъ много недоконченнаго, много противорѣчій. Я особенно не могъ примириться съ двумя явленіями въ его жизни: зачѣмъ онъ убійца? и зачѣмъ онъ женился на сестрѣ убитаго имъ человѣка? Но потомъ, глубже вникнувъ въ характеръ и образъ дѣйствій этой замѣчательной личности, я совершенно помирился съ нею и оцѣнилъ ее.

Чѣмъ кончила Дора, тѣмъ начинаетъ Эрквартъ. Въ самомъ началѣ романа онъ уже принадлежитъ не себѣ, а другимъ; онъ является лицомъ вполнѣ сознавшимъ, что служить другимъ—обязанность каждаго человѣка. Всѣ его убѣжденія уже сложились; на каждый случай жизни у него есть уже правило, на каждый предметъ есть свое воззрѣніе; онъ уже успѣлъ побѣдить въ себѣ разныя эгоистическія наклонности и привычки. О немъ идетъ, между всѣми добрыми людьми околотка, завидная слава какъ о человѣкѣ непоколебимой честности. Автору угодно было, чтобы мистеръ Эрквартъ воспиталъ себя до этой степени подъ вліяніемъ воспоминанія о совершенномъ убійствѣ. Пусть такъ: дѣло не въ томъ что̀ его сдѣлало такимъ или инымъ, а въ томъ, каковъ онъ въ то время когда дѣлается героемъ и встрѣчается съ Дорой. Въ это время, въ немъ есть уже все то, въ чемъ состоитъ человѣческое совершенство, и это завидное богатство собрано имъ посредствомъ труда и борьбы съ собой.

Въ лѣта моей юности, случилось мнѣ читать сочиненіе одного нѣмецкаго психолога (память не сохранила мнѣ его имени), въ которомъ онъ опредѣлялъ психическій процессъ любви въ мущинѣ и женщинѣ. Помнится, онъ тамъ замѣтилъ: „для мущины любовь—награда, которую онъ долженъ непремѣнно заслужить; для женщины любовь—школа, которую она должна прилежно пройдти, чтобы сдѣлаться настоящимъ человѣкомъ."

Въ этомъ замѣчаніи есть доля правды какъ относительно мущины, такъ и относительно женщины. По крайней мѣрѣ, оно довольно идетъ къ мистеру Эркварту и къ его другу, миссъ Дорѣ. Въ самомъ дѣлѣ, вообразимъ, что мистеръ Эрквартъ не трудился надъ собою, и на вечеръ къ мистрисъ Грантонъ, гдѣ онъ повстрѣчался съ Дорой, явился обыкновеннымъ смертнымъ: онъ былъ бы не замѣченъ ею и самъ остался бы равнодушенъ къ ней; и все шло бы своей обычною колеей, и даже миссъ Дора, быть-можетъ, осталась бы съ одними мечтами о Шиллеровомъ Максѣ Пиколомини. Но мистеръ Эрквартъ трудился надъ собою, и вотъ любовь явилась къ нему какъ награда за добрый трудъ. Въ этомъ отношеніи совершенно правъ достопочтенный Нѣмецъ.

Оправдывая нѣмецкаго психолога въ одномъ отношеніи, мистеръ Эрквартъ опровергаетъ его въ другомъ. Въ самомъ дѣлѣ, не нужно ли и ему, при всѣхъ его совершенствахъ, посидѣть на школьной скамейкѣ, чтобы сдѣлаться настоящимъ человѣкомъ?.. Вотъ онъ бесѣдуетъ съ своимъ молодымъ другомъ, капитаномъ Трегерномъ, въ то время когда любовь едва-едва коснулась его своимъ крыломъ, когда онъ еще, такъ сказать, въ первобытномъ состояніи, когда онъ еще то чѣмъ самъ себя создалъ. Очевидно, онъ любитъ Трегерна, онъ отъ души желаетъ ему добра. Но что это за нетерпѣливость и суровость, съ какою онъ читаетъ ему мораль? Что это за рѣзкость, съ какою онъ судитъ объ этомъ молодомъ человѣкѣ? Наконецъ, ужь не зависть ли это копошится въ его сердцѣ, когда онъ сухо и холодно трактуетъ о его любви и его *„богинѣ?"*

Въ школу, въ школу вамъ нужно, мистеръ Эрквартъ, не смотря на всѣ ваши совершенства! Вамъ необходимы уроки, хоть и не такіе, какъ вашему другу, миссъ Дорѣ! Вамъ нужно поучиться, какъ распоряжаться своимъ богатствомъ! Все ваше богатство—сырой матеріалъ, кото-

рому нужно дать достойную форму, одушевивъ ее кое-чѣмъ, чтобъ она не была мертвою!

И онъ попалъ въ школу. Первый урокъ былъ данъ ему на вечерѣ у мистриссъ Грантонъ. Онъ его принялъ, и воротившись въ свой лагерь, началъ репетировать. Онъ началъ писать больничный журналъ (должно-быть это его обычное занятіе) и занесъ въ него нѣсколько фактовъ. Но скоро больничный журналъ забытъ, и факты забыты.... Мысли унеслись куда-то; но рука, безъ вѣдома ума, выдаетъ тайну и пишетъ сама, машинально, куда унеслись мысли. Рука чертитъ на бумагѣ:

„*Максъ Эрквартъ Д. М. Максъ Эрквартъ Д. М.*"

Да, не къ кому иному, а именно къ самому Максу Эрквартy, въ самую глубь его души, обратились невольно мысли безучастнаго составителя больничнаго журнала.... А въ душѣ, между тѣмъ, пока рука машинально чертитъ эти слова, совершается одинъ изъ тѣхъ актовъ, которые, быстро совершившись, не забываются потомъ во всю жизнь,—потому что на всю жизнь имѣютъ вліяніе,—но о которыхъ разказать, которые разъяснить нѣтъ никакой возможности. Они понятны только тому, кто пережилъ ихъ.

Минута самозабвенія прошла.... Удивленіе.... какой-то стыдъ предъ самимъ собою.... Рука хочетъ вырвать листокъ изъ медицинскаго журнала.... Но душа не даромъ заглянула въ глубь самой себя; она успѣла поразиться своимъ одиночествомъ, успѣла обдаться тѣмъ холодомъ, который таится въ ней: друга, друга ей понадобилось! Но гдѣ же этотъ другъ? Его еще нѣтъ, его еще не разсмотрѣлъ мистеръ Эрквартъ: и онъ рѣшился создать себѣ воображаемаго друга, чье невидимое общество согрѣвало бы его. Должно-быть, онъ слишкомъ пораженъ своимъ одиночествомъ, когда онъ, такой раціональный человѣкъ, рѣшился завѣдомо ввести себя въ обманъ... Таковъ былъ первый урокъ мистера Эркварта въ новой для него школѣ.

За первымъ урокомъ скоро послѣдовалъ второй. Онъ происходилъ въ церкви, во время проповѣди мистера Джонстона. Когда мистеръ Эрквартъ всматривался въ лица членовъ семейства пастора, и на него упалъ взглядъ Доры,—онъ сумѣлъ прочитать участіе въ этомъ взглядѣ, онъ живо почувствовалъ нужду въ участіи, и тепло стало на его душѣ отъ взгляда Доры...

О третьемъ урокѣ разказываетъ сама Дора. Мистеръ Эрквартъ съ нею встрѣтился, когда она вышла гулять раздосадованная своими обѣими сестрами. Она и его встрѣтила не слишкомъ благосклонно; но тѣмъ яснѣе, при такой обстановкѣ, высказалась его душа и вліяніе на нее миссъ Доры. Мистеръ Эрквартъ заговорилъ о Трегернѣ,—и какомъ сердечнымъ участіемъ къ этому молодому человѣку зазвучали теперь всѣ его слова! А какое глубокое почтеніе къ самой собесѣдницѣ! Какая покорная внимательность къ каждому ея слову! Полный успѣхъ этого замѣчательнаго урока обнаружился при концѣ его, когда мистеръ Эрквартъ на прощаньи, попросилъ свою собесѣдницу, чтобъ она дружески протянула ему руку... Невидимый, безымянный другъ теперь уже воплотился для него въ особѣ Доры...

Четвертый и послѣдній урокъ былъ не задолго до свадьбы Лизабели. Новая близкая встрѣча съ Дорой и новая бесѣда съ нею: но теперь рѣчь не объ одномъ Трегернѣ. Робко, нерѣшительно мистеръ Эрквартъ заговорилъ о предметѣ преслѣдующемъ его днемъ и ночью: значитъ, его сердце раскрылось уже для довѣрчивой откровенности. А Дора отвѣчала ему задушевными словами вѣры въ высшее провидѣніе, надежды на Божіе милосердіе... Въ эту минуту въ своемъ другѣ мистеръ Эрквартъ нашелъ врача и учителя...

Итакъ, въ четыре урока пройденъ полный курсъ. И въ то время какъ миссъ Дора, сіяющая тихою и свѣтлою радостію, повѣряла „милому мѣсяцу“ тайну своей жизни,— мистеръ Экквартъ дѣлалъ самъ себѣ тяжелыя признанія, находясь подъ гнетомъ двухъ противоположныхъ чувствъ. Трагическій герой съ первой страницы романа, онъ теперь горько почувствовалъ страшный трагизмъ своего положенія; онъ почувствовалъ также, что трагизмъ этотъ еще далеко не исчерпанъ. Не многословенъ онъ въ своихъ признаніяхъ; видна нерѣшительность въ его планахъ относительно своихъ дѣйствій, относительно своей будущности.

Этой нерѣшительности я первоначально не понялъ, и мнѣ показалось, что мистеръ Эрквартъ, въ самую критическую минуту своей жизни, измѣнилъ самъ себѣ, упалъ съ той высоты, на какую былъ поставленъ въ самомъ началѣ романа и на которой доселѣ держался. Мнѣ ка-

залось, что ему слѣдовало бы сразу выпить свою чашу, и навѣки разстаться съ Дорой. Не понявъ мистера Эркварта въ самую критическую минуту его жизни, я не понималъ и всей его послѣдующей жизни: она мнѣ казалась сцѣпленіемъ случайностей, а онъ самъ — жертвою и притомъ (что мнѣ было особенно непріятно) добровольною и вялою жертвой слѣпыхъ случайностей. Но потомъ мнѣ удалось поближе заглянуть въ душу мистера Эркварта и подмѣтить въ ней такія явленія, которыя все дѣло стали представлять совершенно въ иномъ видѣ.

Да, мистеръ Эркваргъ такъ и поступилъ бы, какъ я назначалъ ему, еслибъ онъ оставался прежнимъ мистеромъ Эрквартомъ, докторомъ медицины, и если бы предварительно не принялъ четырехъ уроковъ отъ своего друга, миссъ Доры. Да, онъ поступилъ бы *рѣшительно*,—но эта рѣшительность, красивая по наружности, много уступала бы его настоящей нерѣшительности. Впрочемъ, я неточно выражаюсь. То, о чемъ я говорю, не есть нерѣшительность. Я бы употребилъ здѣсь слово *смиреніе*, еслибъ это прекрасное слово, одно изъ самыхъ выразительныхъ словъ русскаго языка, не было испорчено дурнымъ употребленіемъ. По недостатку точнаго слова, мнѣ приходится прибѣгнуть къ описанію.

Подъ гнетомъ обстоятельствъ, человѣкъ сознаетъ свое собственное безсиліе. Но надежда на возможный добрый исходъ не оставляетъ его, хотя онъ и не понимаетъ, на чемъ опирается и какъ можетъ осуществиться эта надежда. Въ то же время человѣкъ видитъ бездну готовую поглотить его. Въ душѣ возникаетъ борьба между надеждою на спасеніе и страхомъ по гибели; и понимаетъ человѣкъ, что ему нужно дѣйствовать, непремѣнно дѣйствовать; а между тѣмъ, сдѣлай онъ одинъ невѣрный шагъ, одно неосторожное движеніе, — онъ погибнетъ. Среди такой страшной борьбы всѣ силы души доходятъ до необычайнаго напряженія. Женщина, въ подобныхъ обстоятельствахъ, ищетъ подкрѣпленія въ горячей молитвѣ, и ея молитва часто звучитъ тогда самымъ возвышеннымъ лиризмомъ; мущина поникаетъ своею гордою головой и погружается въ тяжелое мрачное раздумье. Но исходъ борьбы одинъ, какъ въ мущинѣ, такъ и женщинѣ: человѣкъ *добровольно* отказывается отъ права дѣлать выборъ и распоряжаться своими дѣйстві-

ями и поступками; но за то онъ беретъ на себя обязанность уловлять и подмѣчать тотъ внутренній таинственный смыслъ, который имѣютъ всѣ событія, проносящіяся надъ нашими грѣшными головами, и дѣйствовать по ихъ указанію. Его душѣ, пришедшей въ крайнее напряженіе, дѣлается яснымъ и понятнымъ, что есть *смыслъ* въ ходѣ событій, что *мудрая рука* управляетъ ими, и этой-то мудрой рукѣ онъ ввѣряетъ себя и всю свою жизнь, и миръ (насколько возможно) сходитъ въ его душу... Много великаго совершено людьми, пришедшими къ такой вѣрѣ въ смыслъ совершающихся событій и свободно склонившимися подъ руку управляющую событіями

Къ этой вѣрѣ пришелъ и мистеръ Эрквартъ; онъ рѣшился склониться подъ руку, управляющую событіями его необыкновенной жизни. Такому рѣшенію предшествовало мучительное колебаніе, среди котораго смягчилась его душа. Въ разказахъ не ясно видно, долго ли длилось такое состояніе; но я догадываюсь, что оно было довольно продолжительно. Между временемъ, когда мистеръ Эрквартъ сознаетъ весь страшный трагизмъ своего положенія, и временемъ его рѣшенія, случилась встрѣча съ Дорой въ лагерѣ, послѣ военнаго концерта, встрѣча неожиданная и для нея и для мистера Эркварта,—и она-то главнымъ образомъ расположила его къ мудрому рѣшенію. И здѣсь не обошлось безъ Доры!

Съ той минуты, какъ Эрквартъ принялъ мудрое рѣшеніе, характеръ романа совершенно измѣняется. Онъ представляетъ рядъ эпизодовъ, повидимому, совершенно *случайныхъ* (такими именно они казались мнѣ первоначально) и ничѣмъ не связанныхъ между собою. Но на самомъ дѣлѣ не такъ. Каждый изъ эпизодовъ есть ступень къ исходу; каждый изъ нихъ представляетъ новое оправданіе той вѣры которой отдался Эрквартъ въ одну изъ самыхъ критическихъ минутъ своей жизни.

Первый эпизодъ — совершенно *нечаянная* болѣзнь мистера Джонстона и его старшей дочери. По случаю этой болѣзни, мистеръ Эрквартъ, въ качествѣ медика, долженъ былъ на нѣсколько недѣль совсѣмъ почти переселиться въ домъ ректора. Здѣсь по цѣлымъ днямъ, онъ оставался съ мисс Дорой, а она держала себя предъ нимъ съ тою непринужденностію и откровенностію, какая воз-

можна для дѣвушки только при постели умирающаго отца, когда сама собою спадаетъ съ нея обыкновенная женственная застѣнчивость, иногда, въ лучшихъ натурахъ, скрывающая ихъ совершенства,—и Эрквартъ почувствовалъ какъ укрѣплялась въ немъ надежда на спасеніе.

За первымъ эпизодомъ слѣдуетъ другой, совершенно иного характера. Мистеръ Джонстонъ спасенъ; въ его семействѣ начинаетъ водворяться тишина и спокойствіе; даже душа мистера Джонстона начинаетъ находить нѣкоторый миръ. Въ это время помощнику мистера Джонстона вздумалось сказать, въ его церкви, проповѣдь *„о градахъ убѣжища."* Закоренѣлый ригористъ этимъ возмущается до глубины души и начинается сцена, которая, въ одно и то же время, живо напоминаетъ Эркварту о его прошломъ и вмѣстѣ показываетъ, чего ему нужно ждать, въ его положеніи, отъ лицъ окружающихъ. Но онъ уже достаточно твердъ теперь; новый ударъ, тяжелое напоминаніе, вмѣсто того чтобы поразить его, побудило къ двумъ рѣшеніямъ: онъ сказалъ Дорѣ такія слова, отъ которыхъ ея душа переполнилась; въ то же время онъ принялъ намѣреніе, узнавъ все обстоятельно, признаться во всемъ своему „безцѣнному другу" и ея отцу, и отъ нихъ ждать себѣ приговора.

Но онъ еще слабъ, чтобы выполнить такое геройское рѣшеніе. И вотъ слѣдуетъ новый эпизодъ; наступаютъ такія событія, среди которыхъ должно было укрѣпиться рѣшеніе. Этотъ эпизодъ—болѣзнь его „безцѣннаго друга". Душевные перевороты, происходившіе въ послѣднее время, нравственное и физическое потрясеніе, произведенное болѣзнію отца, наконецъ послѣднее объясненіе съ Эрквартомъ окруженное таинственностію,—вотъ что было причиною болѣзни миссъ Доры. Среди заботъ о болящемъ своемъ другѣ, среди опасеній за ея жизнь, Эрквартъ понялъ цѣну этого друга; онъ пережилъ въ это время тотъ періодъ, когда страхъ потери возбуждаетъ въ душѣ желаніе пріобрѣтенія и располагаетъ человѣка сдѣлать все, все, принесть всѣ жертвы, въ виду желаемаго пріобрѣтенія. И когда миссъ Дора выздоровѣла, Эрквартъ рѣшился назвать ее *своею женою, своею будущею женою;* а затѣмъ, уже почти объявленный женихъ въ рок-

монтскомъ семействѣ. отправился въ Салисбэри за послѣднимъ испытаніемъ

Обстоятельства, среди которыхъ вращалась доселѣ жизнь Эрквартa и которыя отправили его теперь въ Салисбэри, имѣли вліяніе и на прочія соприкосновенныя ему лица. Мистеръ Джонстонъ, спасенный отъ смерти, даже по началамъ своего ригоризма, не могъ быть неумолимо строгъ къ Эрквартy; неблагосклонная къ нему Пенелопа также нѣсколько смягчилась и стала болѣе внимательна къ нему, частію по той же самой причинѣ, а частію потому что, въ это время, ея собственный романъ приближался, повидимому, къ хорошей развязкѣ, и притомъ не безъ участія Эрквартa.

Поѣздка въ Салисбэри увѣрила его. что онъ — убійца Генри Джонстона, брата Доры. Признаніе въ этомъ предъ Дорой, объясненіе съ ея отцомъ, разлука съ рокмонтскимъ семействомъ и полный, повидимому, разрывъ съ нимъ, исключая миссъ Доры,—вотъ какія были послѣдствія открытія въ Салисбэри. Не могу не прибавить здѣсь, что Эрквартъ разстался съ своимъ другомъ также твердо и мужественно, какъ и она съ нимъ; и его не покинули, въ это тяжелое время, тѣ надежды, которыя одушевляли ее. Но когда должны осуществиться эти надежды?—этого не зналъ ни онъ, ни она; это они предоставили волѣ Провидѣнія.

И оно не замедлило указать, въ ходѣ событій, что нужно сдѣлать для осуществленія надежды. Слѣдуетъ въ романѣ послѣдній эпизодъ.

Мистеръ Эрквартъ—врачъ при тюрьмѣ. Частію по тяжелымъ воспоминаніямъ своей жизни, а еще болѣе благодаря вліянію Доры, онъ всею своею душею преданъ нравственно-болящимъ своимъ братьямъ и заботится сколько объ ихъ тѣлахъ, столько же, если не больше, о душахъ. О немъ между тѣмъ распространяются неблагопріятные слухи. Маленькій другъ мистера Эрквартa, ребенокъ, дочь директора тюрьмы, открываетъ ему глаза, и онъ понимаетъ смутно, что мало ждать и терпѣть, мало найти успокоеніе и утѣшеніе въ своей совѣсти, но нужно еще объясниться съ человѣческимъ правосудіемъ и этимъ путемъ примириться со всѣми людьми. Но мистеръ Эрквартъ связанъ словомъ; его тайна принадлежитъ уже не ему, а мистеру Джонстону: и вотъ слѣдуютъ сцены, которыя, по моему мнѣнію, въ

высшей степени характеристичны. Начинается борьба—между мистеромъ Эрквартомъ, каковъ онъ былъ до встрѣчи съ Дорой, съ Эрквартомъ, твердымъ и непреклоннымъ, старающимся выполнить свое слово до послѣдней точности, и Эрквартомъ, ученикомъ Доры, который даетъ вѣсъ и значеніе стремленіямъ и голосу своего чувства. Въ борьбѣ сначала одержалъ *первый* Эрквартъ: при объясненіяхъ съ своими сослуживцами онъ отказался дать прямые отвѣты и рѣшился выйдти въ отставку. Но вотъ пришелъ къ нему капелланъ тюрьмы, пришелъ съ словами пріязни, участія, довѣрія,—и живо припомнилась Эркварту Дора и все что онъ въ ней видѣлъ и что отъ нея слышалъ. И добрый наставникъ восторжествовалъ: мистеръ Эрквартъ рѣшился на послѣднюю жертву —отдать себя въ руки правосудія, испросивъ на это разрѣшеніе мистера Джонстона.

А мистеръ Джонстонъ, между тѣмъ, уже не прежній мистеръ Джонстонъ; его суровый ригоризмъ пошатнулся, его обдало теплымъ вліяніемъ его дочери. Онъ самъ явился на судъ защитникомъ убійцы своего единственнаго сына.

Итакъ горькая чаша выпита до дна, но не *залпомъ*, какъ я считалъ нужнымъ сначала; нѣтъ, не *залпомъ*, а капля по каплѣ, тѣми размѣрами, какіе назначались свыше. Вся горечь чаши испытана вполнѣ; но она не произвела круженія въ головѣ, не произвела агоніи; напротивъ, привела къ жизни, и какой еще жизни!.. Не то было бы, еслибы чаша выпита была *залпомъ*.

И вотъ въ заключеніе романа, мистеръ Эрквартъ, вмѣстѣ съ своею женой, мистриссъ Теодорою Эрквартъ, на палубѣ *Европы*, отправляется въ Канаду. Ему предстоитъ далекій путь; предъ нимъ жизнь чужой сторонѣ, вдали отъ друзей... Но миръ въ его душѣ; съ нимъ Теодора,—Божій даръ,—и прочь всякое сомнѣніе въ прочность его счастія!..

III.

Съ самыми грустными мыслями я приступаю къ обрисовкѣ третьей замѣчательной личности въ романѣ, Пенелопы, или миссъ Джонстонъ. Между другими личностями романа она позже всѣхъ обращаетъ на себя вниманіе, но за то въ такой мѣрѣ, что невольно обращаешься назадъ, приблизившись уже къ концу романа, и начинаешь соображать и припоминать всѣ слова, сказанныя этою замѣчательною личностію, всѣ дѣла совершенныя ею и вскользь указанныя въ разныхъ разказахъ. Такъ, по крайней мѣрѣ, было со мною.

Пенелопа—по преимуществу дочь своего отца, она такая же ригористка,—и здѣсь разгадка какъ ея характера, такъ и всей ея трагической судьбы.

Ровность, твердость, спокойствіе, любовь къ порядку, неумолимая строгость къ себѣ и другимъ, и рядомъ съ этимъ религіозное соблюденіе приличій во всѣхъ мелочахъ, и неумѣніе отличить важное и существенное отъ пустаго и незначительнаго; поклоненіе долгу, но поклоненіе рабское, безъ задушевнаго участія къ тому что̀ составляетъ самую сущность долга и обязанности, а потому безъ нравственной способности воспользоваться плодами отъ исполненія долга и внести ихъ въ свою душу, привить ихъ къ своей натурѣ; наконецъ, мелкое самолюбіе, тѣмъ болѣе опасное, что прикрывается надуманными софизмами; отсюда — крайняя раздражительность и строптивость: таковы общія свойства Пенелопы, какъ риго-

ристки; таковы свойства и вообще ригоризма. Сущность его состоитъ въ томъ, что человѣкъ беретъ изъ области нравственности только одну *матеріальную* часть, не возвышаясь до ея *духа*; беретъ только форму, не заботясь о содержаніи... Поэтому ригористъ все тяжелое, налагаемое на насъ законами нравственности, выполняетъ съ полною отчетливостію и безъ всякаго упущенія; а награды ему за это нѣтъ никакой. Напротивъ, чѣмъ дальше онъ идетъ по своему пути,—тѣмъ болѣе растетъ его тяжесть, потому что тѣмъ большая слѣпота нападаетъ на его умъ, тѣмъ больше холодѣетъ его сердце.

Отецъ передалъ свои правила старшей дочери; ея талантливая натура очень хорошо усвоила эти правила. Но еще во время воспитанія, въ эту натуру ворвалась живая струя и увеличила разладъ въ ней. Вмѣстѣ съ дочерью у мистера Джонстона воспитывался молодой человѣкъ знатнаго рода. Что̀ такое былъ Франсисъ по своей природѣ—рѣшить довольно трудно. Думаю: это былъ человѣкъ не слишкомъ далекихъ умственныхъ способностей, но съ теплымъ сердцемъ; изъ него, при другихъ условіяхъ, могло бы выйдти много добраго. Но уроки ригоризма продолжались и принимались обоими учениками, подавляя въ нихъ живые инстинкты души. Они не могли сойдтись между собою, они могли быть только связаны между собою цѣпями неволи. Они связали себя цѣпями, которыя особенно крѣпки для подобныхъ личностей,—взаимнымъ обѣщаніемъ.

Цѣпи неволи несли они неодинаково. Мощная натура, способная бороться съ противорѣчіями до послѣдней крайности, способная до̀ конца сохранить силы къ перерожденію, Пенелопа несла цѣпи, обвивая ихъ цвѣтами. Въ ней сохранялось воспоминаніе о томъ времени, когда она еще живыми глазами смотрѣла на міръ Божій, когда онъ еще не былъ заключенъ для нея въ тѣсную рамку нѣсколькихъ узкихъ понятій, когда она весело и беззаботно бѣгала по лугамъ Рокмонта съ своимъ Франсисомъ, смотря на него сквозь призму молодаго воображенія. Да, она сохраняла въ своей душѣ это свѣтлое воспоминаніе; она любила его, насколько могла любить ея душа; она любила именно это воспоминаніе, а отнюдь не самого Франсиса, какимъ онъ вышелъ изъ педагогическихъ рукъ ея папа. Этого Франсиса она не любила, да и не могла любить... Иначе, какъ же объяснить стран-

ныя явленія въ ея жизни и характерѣ? Нѣтъ близь нея Франсиса—и она нѣжна къ нему, она не можетъ наговориться съ нимъ и пишетъ ему длинныя-предлинныя письма; не видя возлѣ Франсиса, но только ожидая его, она дѣлается даже ласкова и привѣтлива ко всѣмъ окружающимъ. А какъ скоро прибылъ къ ней Франсисъ, ея обычная угрюмость и раздражительность возвращаются къ ней, и сидитъ она возлѣ него по цѣлымъ часамъ, не говоря ни слова. Да, я вполнѣ увѣренъ, что привязанность миссъ Пенелопы къ Франсису, ея упорная десятилѣтняя вѣрность ему, была не инымъ чѣмъ какъ *протестомъ*, неяснымъ для нея самой *протестомъ* ея души противъ того ригоризма, въ которомъ она была воспитана. Что же мѣшало ей услышать и понять вовремя этотъ протестъ? А ригоризмъ... Въ отвѣтъ на неясный протестъ онъ выставлялъ и разукрашалъ соблазнительную мысль о непреклонной твердости, которая, не въ примѣръ другимъ обыкновеннымъ женщинамъ, можетъ бороться со временемъ и ждать, терпѣть... И говорила эта мысль гордости, женскому тщеславію, и заглушала поднимавшійся изъ глубины души живой голосъ неяснаго протеста.

А что Франсисъ? Онъ какъ несъ цѣпи неволи?

Это былъ очень оригинальный ученикъ мистера Джонстона. Ригоризмъ не привился къ нему, а только испортилъ его натуру. Тѣхъ положительныхъ правилъ, которыя составляютъ ригористическій катихизисъ и которыя заключаютъ всю жизнь человѣка въ опредѣленныя рамки, недалекій Франсисъ не усвоилъ себѣ; но онъ понялъ изъ уроковъ своего учителя только то, что *чему-то* надобно непремѣнно подчиняться. Недалекій Франсисъ понялъ изъ уроковъ своего наставника и то, что нужно быть твердымъ въ своемъ словѣ. Какъ свѣтскій человѣкъ, онъ нашелъ для себя *идолъ* въ томъ что называется *свѣтомъ*. И вотъ изъ ученика мистера Джонстона вышелъ *благоприличный джентльменъ*. Покланяясь своему идолу со всею добросовѣстностію ригориста, Франсисъ, какъ человѣкъ безъ положительныхъ правилъ, считалъ себя свободнымъ во всемъ прочемъ, а потому частная его жизнь исполнена грязныхъ закулисныхъ тайнъ.

Будь Франсисъ и Пенелопа похожи другъ на друга въ своемъ ригоризмѣ,—ихъ положеніе было бы безвыходное.

Чего добраго, они, пожалуй, сочетались бы законнымъ бракомъ: и тогда, что бы тогда было?.. Но въ направленіи и особенностяхъ той и другой личности были такія черты, что рано или поздно должна была непремѣнно произойдти катастрофа. Такъ и случилось. Закулисная жизнь Франсиса обнаружилась; Пенелопа узнала объ оскорбленіи, которое должно было поразить ее какъ женщину и особенно какъ ригористку: и это спасло и ее, и Франсиса.

Я бы взялъ на себя трудъ рѣшительно не по силамъ, еслибы рѣшился подробно очерчивать Пенелопу въ періодъ страшной катастрофы. Это дѣло тѣмъ болѣе трудное, что великое измѣненіе совершалось внутри ея, мало и какъ-то отрывочно проявляясь наружу. Впрочемъ, и то что проявлялось наружу, слишкомъ громко говоритъ о Пенелопѣ и ея замѣчательномъ характерѣ. Сначала Пенелопа— вполнѣ ригористка. Съ гордо-величавымъ спокойствіемъ она встрѣчаетъ нанесенное оскорбленіе. Нѣтъ ни одного слова жалобы; только нетерпѣливость и нѣкоторая рѣзкость отвѣтовъ обличаютъ въ ней внутреннее волненіе. Но вѣдь это такъ часто случалось съ нею, а потому даже проницательная Дора не замѣтила, что случилась катастрофа. Слѣдуетъ сцена разрыва съ Франсисомъ; здѣсь опять Пенелопа во всемъ величіи ригоризма. Но вотъ начинается внутренняя ломка. Она проявляется наружу только въ одномъ—въ полномъ бездѣйствіи; прочее все скрыто. Но разговоръ, происшедшій между Пенелопой и ея сестрою, Дорой, позволяетъ догадываться, какого рода эта была ломка, и что во время ея испытывала несчастная миссъ Джонстонъ. Что, въ продолженіи десяти лѣтъ, неясно говорила ей ея прекрасная натура, въ этомъ теперь она убѣдилась съ безпощадною очевидностію: вся ея жизнь потрачена на безплодную мечту. Внутри ея пропасть силъ, но нѣтъ содержанія. Представлялся самъ собою вопросъ: гдѣ причина, гдѣ вина этой горькой траты? Силы, могучія силы, сознаваемыя въ душѣ, но не направленныя ни на что, говорили только въ пользу себя и въ пользу самой страдалицы: и вотъ вся вина отнесена на другихъ. „Франсисъ во всемъ виноватъ... да и всѣ люди таковы,“ таково было ея рѣшеніе. Такое рѣшеніе могло быть послѣднимъ рѣшеніемъ Пенелопы, или, по крайней мѣрѣ, она могла долго-долго не разставаться съ нимъ.

Пенелопа была въ это время слишкомъ близка къ той страшной болѣзни, которая называется *мизантропіей*, потерею *вѣры въ людей*. Но близь нея находился человѣкъ, который былъ въ состояніи спасти ее, и дѣйствительно спасъ отъ страшной болѣзни.

— Не вѣрь, говорила Пенелопа Дорѣ,—не вѣрь... обманетъ... Всѣ они обманываютъ.

А Дора, между тѣмъ, сидѣла возлѣ своей страдающей сестры съ полною вѣрой въ своего Макса и съ письмомъ въ рукахъ отъ него. И повѣяла на страждущую душу Пенелопы живительная струя этой вѣры способной переставлять горы, и приняла въ себя спасительную струю прекрасная натура Пенелопы, и не случилось страшной болѣзни.

О, безцѣнный другъ Макса Эркварта! Въ эту минуту вы совершили истинно великое дѣло...

Какъ зрѣла въ душѣ Пенелопы навѣянная на нее отъ сестры вѣра въ людей, самая великая сила въ людяхъ послѣ вѣры въ Бога, это—тайна души Пенелопы. Мы видимъ послѣ этого Пенелопу, когда она ищетъ оправданія и подтвержденія этой вѣры, и для этого отправляется туда, гдѣ жили непосредственные свидѣтели нанесеннаго ей оскорбленія, и гдѣ она встрѣтилась лицомъ къ лицу съ своимъ оскорбителемъ, Франсисомъ.

Катастрофа, такъ глубоко поразившая Пенелопу, не произвела глубокаго впечатлѣнія на этого господина. Въ этомъ случаѣ, его лукаво поддержалъ тотъ бездушный идолъ, которому онъ покланялся. Этотъ идолъ внушилъ ему, что подобныя жертвы онъ благосклонно принимаетъ не отъ одного Франсиса. Но ему готовились иныя вразумленія. Будущій губернаторъ имѣлъ много долговъ, и кредиторы, опасаясь выпустить изъ рукъ свою жертву, стали преслѣдовать его. Въ этомъ случаѣ бездушный идолъ не могъ поддержать своего поклонника, даже презрительно отвернулся отъ него, и бѣдный Франсисъ, лишенный добраго имени, попалъ въ тюрьму. Холодное отчаяніе овладѣло имъ, и онъ бы погибъ самымъ жалкимъ образомъ, еслибы не спасъ его Максъ Эрквартъ. Оставленный всѣми, побуждаемый Эрквартомъ снова начать жизнь и ободряемый имъ, онъ сталъ искать вокругъ себя людей, которые были бы ему преданы, въ которыхъ онъ могъ бы найдти себѣ поддержку. И вспомнилъ онъ о женщинѣ, бро-

шенной имъ при затруднительныхъ обстоятельствахъ, вспомнилъ также о покинутомъ ребенкѣ, и отправился въ Рокмонтъ. Здѣсь онъ и встрѣтился съ Пенелопой.

Встрѣча была очень поразительная. Оба встрѣтившіяся лица были уже не то чѣмъ они разстались нѣсколько времени тому назадъ. Каждое изъ нихъ успѣло значительно оживиться и освободиться отъ того холода, который досслѣ проникалъ ихъ. Эти два лица теперь стали походить на тѣхъ Франсиса и Пенелопу, которые, десять лѣтъ тому назадъ, свободно гуляли по полямъ Рокмонта,—и десять лѣтъ какъ будто вычеркнуты изъ ихъ жизни. И я думаю, во всѣ эти вычеркнутые десять лѣтъ, Пенелопа и Франсисъ не говорили такъ задушевно, такъ искренно, не чувствовали себя такъ свободно и хорошо, какъ теперь. Недалекій Франсисъ даже позабылся и сталъ дѣлать Пенелопѣ такое предложеніе, которое было рѣшительно безумно. Но Пенелопа все поняла.

И стала она совсѣмъ иная женщина. Опытъ, для совершенія котораго она приходила къ коттеджу мистриссъ Кертрайтъ, съ избыткомъ подтвердилъ то что на нее навѣяно было ея сестрою. Она здѣсь почувствовала ясно всю сладость добра совершаемаго отъ сердца. Она здѣсь увидѣла, что и тѣ люди, о которыхъ ригористы стыдятся и подумать, способны понимать и цѣнить добро, а слѣдовательно способны и къ исправленію... Все это здѣсь увидѣла и почувствовала Пенелопа: и *вѣра въ людей* сдѣлалась главною ея силой; служить людямъ—сдѣлалось ея главною цѣлью.

Авторъ сказалъ ясно и опредѣленно, какая была послѣдняя судьба всѣхъ героевъ его романа. Одна Пенелопа оставлена въ таинственномъ полумракѣ, и мы не знаемъ что съ нею сталось. О подобной личности и нельзя сказать ничего опредѣленнаго. Кто исчислитъ всѣ случаи, когда человѣкъ нуждается въ дѣятельной помощи своего ближняго? Кто можетъ исчислить всѣ поводы къ горю и плачу? А ко всѣмъ нуждающимся въ помощи, ко всѣмъ плачущимъ и горюющимъ будетъ подходить Пенелопа—то съ помощью, то съ утѣшеніемъ...

IV.

Слышится мнѣ вашъ беззаботный смѣхъ, восхитительная Лизабель, и грустныя мысли навѣянныя на меня судьбою Пенелопы прячутся въ глубь души, и яснѣе становится на душѣ! Смѣйтесь, смѣйтесь своимъ беззаботнымъ смѣхомъ! Я не имѣю ни малѣйшаго желанія чѣмъ-нибудь помѣшать ему; я буду только прислушиваться къ вашему смѣху и разбирать его музыку.

Да, обо многомъ говорится въ смѣхѣ Лизабели и ея беззаботности. Я думаю, трудно найдти человѣка, даже самаго черстваго по своей душѣ, который бы, встрѣтившись съ личностью подобною Лизабели или ея Августу, остался совершенно равнодушенъ къ ней, который бы и самъ не улыбнулся добродушно, хотя бы не улыбался во всю свою жизнь. О беззаботномъ дѣтствѣ нашемъ напоминаютъ намъ подобныя личности; они говорятъ намъ о жизни безъ тяжелыхъ думъ, безъ томительныхъ тревогъ, о томъ, что возможна такая жизнь и что она счастлива.

Лизабель — личность не вкусившая отъ древа познанія добра и зла. Она осталась на всю жизнь подъ вліяніемъ инстинктовъ и не возвысилась надъ ними. Ни умъ, ни чувство въ отдѣльности не управляютъ ею; ею управляетъ вся ея природа взятая въ совокупности, и достоинство Лизабели заключается въ томъ, что каждый докладъ ея внутренней природы доходитъ до нея, не затемняясь никакимъ выводомъ ума, не заглушаясь никакимъ увлеченіемъ чувства. Что другіе люди *узнаютъ*, иногда съ

большимъ напряженіемъ мысли, то Лизабель *угадываетъ*, и угадываетъ иногда скорѣе чѣмъ другіе узнаютъ; гдѣ другіе *разсуждаютъ*, *выбираютъ*, *колеблются*, тамъ Лизабель дѣйствуетъ, какъ бы по вдохновенію, совершенно необдуманно, а между тѣмъ съ большимъ тактомъ. Другіе, при встрѣчѣ съ новыми предметами, лицами и при перемѣнѣ образа жизни и занятій, любопытно оглядываются кругомъ, иногда дѣлаютъ усилія, чтобы принаровиться къ новой обстановкѣ или принаровить ее къ себѣ: Лизабель — въ Рокмонтѣ ли, въ Парижѣ ли, въ скромномъ ли домѣ ректора, или роскошномъ Трегернъ-кортѣ, дѣвица или замужняя женщина—всюду и при всѣхъ обстоятельствахъ совершенно одинакова. Она вездѣ какъ дома; никто и ничто ее не изумитъ, не заставитъ задуматься; вездѣ она будетъ дѣйствовать и дѣйствовать хорошо, безсознательно выполняя подсказы и внушенія природы. Какъ же ей не смѣяться звонкимъ своимъ смѣхомъ!

Одного только боятся личности въ родѣ Лизабели и ея *обожателя* (и какъ идетъ къ нему это названіе!), Августа Трегерна: *бѣды* и *несчастія*. Ну, на этотъ разъ они—ничто, рѣшительное ничто! *Бѣда* и *несчастіе* требуютъ отъ человѣка самостоятельности и упругой воли, а того и другаго не даетъ людямъ природа; то и другое они должны сами брать и часто съ бою. Лизабель и ея обожатель (который, спѣшу прибавить, второй экземпляръ Лизабели, съ немногими варіантами) занимаютъ довольно большое мѣсто въ романѣ, но дѣйствуютъ слишкомъ мало, потому что за нихъ дѣйствуютъ другіе. Впрочемъ. имъ удалось показать каковы они бываютъ въ несчастіяхъ. Вотъ Лизабели вздумалось покататься вмѣстѣ съ Колиномъ,—и это *несчастіе* до того поразило ея бѣднаго обожателя, что онъ явился къ своему другу, мистеру Эркварту. въ такомъ видѣ, въ какомъ мущинѣ не позволительно являться даже къ друзьямъ одного пола. Въ другой разъ, въ виду подобной бѣды для Трегерна, миссъ Дора до-нельзя перепугалась за него; она чуяла, что севастопольскій герой не устоитъ противъ удара. А что было во время болѣзни мистера Джонстона? Бѣдные Эрквартъ и Дора не знали что дѣлать съ Лизабелью и ея мужемъ, и должны были прибѣгать чуть-чуть не къ полицейскимъ мѣрамъ противъ нихъ... Да, Лизабель и Августъ Трегернъ не рож-

девы, чтобы встрѣчать лицомъ къ лицу бѣду и несчастіе... Но въ томъ-то и заключается секретъ жизни и натуры подобныхъ личностей, что ихъ обходитъ бѣда, что ихъ всегда щадитъ несчастіе. Отчасти причина этого заключается въ нихъ самихъ: если они не умѣютъ бороться съ бѣдой, то умѣютъ заранѣе ускользать отъ ней. Вѣдь всякая бѣда не сразу поражаетъ насъ; она подготовляется, и всего чаще нами самими, нашими уклоненіями отъ прямаго пути жизни. Слѣдуя внушеніямъ природы, личности въ родѣ Лизабели и Трегерна спасаются отъ этихъ уклоненій, а вмѣстѣ и отъ бѣдъ. Но главная причина, почему они бываютъ счастливы, заключается въ томъ, что они оберегаются другими людьми, и именно людьми *думающими*, людьми *мыслящими*. Это—не случайность, что беззаботный Августъ Трегернъ имѣетъ самаго заботливаго друга въ лицѣ Макса Эркварта. Это — не случайность, что Дора плачетъ о Лизабели, проводивши ее изъ дому. Это—не случайность, что старые Трегерны смотрятъ не насмотрятся на Лизабель. Да, все это не случайности; все это — обыкновенныя явленія жизни. Есть какая-то связь между людьми мыслящими и беззаботными. Никакъ нельзя сказать, чтобы первые слишкомъ уважали послѣднихъ, чтобъ они не понимали ихъ, чтобъ они считали ихъ идеалами человѣческой природы. Совсѣмъ нѣтъ! Никакая Дора не согласится быть Лизабелью; никакой Максъ Эрквартъ — Августомъ Трегерномъ. А между тѣмъ каждая Дора хлопочетъ о Лизабели и съ любовію смотритъ на нее; каждый Эрквартъ заботится о Трегернѣ,—да еще какъ заботится! Оберегаемые и охраняемые своими думающими друзьями, Лизабель и Трегернъ платятъ имъ за это только тѣмъ, что беззаботно смѣются предъ ними своимъ звонкимъ смѣхомъ, и говорятъ имъ этимъ смѣхомъ, что есть жизнь безъ тяжелыхъ думъ и томительныхъ тревогъ, что такая жизнь возможна и что она—счастлива по своему...

Есть драгоцѣнное свойство въ личностяхъ подобныхъ Лизабели и Трегерну. Счастіе никогда ихъ не портитъ, не мѣняетъ ихъ по отношенію къ людямъ, хотя часто и возвышаетъ ихъ надъ людьми. Не задающіе вопросовъ жизни, не принимающіе на себя труда вдумываться въ свое положеніе сравнивать одно положеніе съ другимъ, они оста-

ются совершенно равнодушны къ благосклоннымъ взглядамъ фортуны. Правда, они всегда встрѣчаютъ эти взгляды съ шумнымъ весельемъ: но какъ добродушно это веселье, какъ далеко оно отъ самолюбиваго удовольствія расчетливаго честолюбца или самодовольнаго гордеца! Если взять жизнь Лизабели или Трегерна на небольшомъ пространствѣ времени, то трудно уловить какую-либо нравственную перемѣну въ ихъ духовной организаціи. Но если взять ее на значительномъ пространствѣ, то окажется, что они дѣлаютъ большіе успѣхи. Они вѣчно остаются беззаботными дѣтьми; но убаюкиваемые счастіемъ, заботливо охраняемые своими ближними, они пріобрѣтаютъ, съ теченіемъ времени, необыкновенную мягкость. Старички,— они самые привѣтливые и добродушные люди. Громкій, беззаботный смѣхъ пропадаетъ, конечно; но онъ замѣняется постоянною улыбкой. Съ этою улыбкой они и умираютъ.

Между личностями, какова Дора торопливо пробирающаяся впередъ и впередъ, къ свѣту и свѣту, каковъ Эрквартъ весь отдавшійся глубокимъ задачамъ своей жизни, какова Пенелопа поставленная въ трагическія коллизіи, проистекающія изъ ея воспитанія и личныхъ свойствъ,— между такими личностями, которыя постоянно трудятся, думаютъ, мучаются, очень эффектны Лизабель и Трегернъ. Но не здѣсь главная причина, почему имъ дано въ романѣ значительное мѣсто.

О Лизабели нужно сказать, что она, сама по себѣ и по своему отношенію къ основной идеѣ романа, имѣетъ прямыя и неотъемлемыя права занимать это мѣсто; что же касается до Трегерна, то онъ занимаетъ его по своему отношенію къ Лизабели. Лизабель—также дочь своего отца-ригориста. А какъ она приходится сродни своему папа въ этомъ отношеніи, объ этомъ она сама сообщила своей сестрѣ незадолго до замужества, — сообщила не подумавши, а между тѣмъ удивительно мѣтко и вѣрно. Она тогда сказала Дорѣ, къ великому изумленію послѣдней, что о замужествѣ она, Лизабель, мечтала со дня своего рожденія. Въ этихъ полушутливыхъ словахъ „богини“ Августа Трегерна слышится протестъ противъ того нравственнаго давленія, которое господствовало въ достопочтенномъ семействѣ рокмонтскаго ректора. Этотъ протестъ, и въ такомъ видѣ, могъ родиться только въ

натурѣ стѣсненной. Да, такова Лизабель. Беззаботность ея не совсѣмъ даръ природы, а противоборство окружающей средѣ; оттого-то ея беззаботность соединяется съ какою-то сдержанностію, плавностію и ровностію, и не походитъ на шумную беззаботность Августа Трегерна. Итакъ, и беззаботная счастливица Лизабель есть дочь своего отца, суроваго ригориста, и слѣдовательно необходима для полнаго раскрытія основной мысли романа...

А мысль романа состоитъ въ томъ, чтобы въ судьбѣ ригористическаго семейства показать, какъ ригоризмъ не состоятеленъ самъ въ себѣ, и какъ онъ разными путями перерождается въ ясную жизнь, дающую просторъ человѣческому чувству. Три исходныхъ пути представляется въ романѣ, и на одинъ изъ нихъ указываетъ Лизабель своимъ беззаботнымъ и добродушнымъ смѣхомъ.

V.

Дора, Максъ Эрквартъ, Пенелопа, Лизабель,—всѣ эти главные герои романа *Жизнь за жизнь* прошли передо мною поодиначкѣ, каждый своею собственною поступью. Для окончательнаго знакомства съ ними, я еще хочу теперь посмотрѣть на нихъ въ той жизненной связи, въ какой представляетъ ихъ романъ; хочу посмотрѣть на нихъ, каковы они въ обществѣ другихъ людей.

Предо мною прекрасная картина, и она, какъ обыкновенно бываетъ съ такими картинами, совсѣмъ безъ рамокъ, которыя бы сдерживали глазъ и не позволяли ему удаляться отъ центра картины. Да и никакъ нельзя наблюдателю удержаться около этого центра: чѣмъ болѣе и долѣе смотришь на картину, тѣмъ болѣе кругозоръ расширяется. Воображеніе невольно забѣгаетъ впередъ. рисуя то что совершалось до открытія занавѣса, когда миссъ Дора, послѣ вечера въ Кедрахъ, стала писать свои замѣтки на страницахъ своей новенькой книжки; равнымъ образомъ воображеніе не останавливается тамъ гдѣ кончается романъ, но идетъ далѣе и рисуетъ много сценъ дополнительныхъ. И нельзя сказать, чтобъ эти дополненія и добавленія были простымъ капризомъ воображенія; нѣтъ,—они какъ-то невольно вызываются самимъ романомъ. Нельзя также сказать, чтобъ эти дополненія и добавленія портили картину изображенную въ романѣ. Онъ представляетъ такое стройное и такое прочное зданіе; такъ хорошо, полно и ясно указаны въ немъ всѣ основные законы и требованія архи-

тектуры, что даже трудно сдѣлать къ нему такую пристройку, которая могла бы испортить его. Но буду говорить безъ сравненій. Въ романѣ *Жизнь за жизнь* представляется намъ отрывокъ изъ жизни цѣлаго народа, и достоинство этого отрывка заключается главнымъ образомъ именно въ томъ, что онъ даетъ намъ понять, какова та жизнь, въ цѣломъ своемъ объемѣ, къ которой онъ относится и изъ которой взятъ. Нужна особенная стройность въ самой жизни, чтобы по частному отрывку можно было судить объ общемъ; съ другой стороны, и автору произведенія нужно слишкомъ проникнуться этою жизнью, слишкомъ хорошо понять всѣ ея стихіи, слишкомъ полно ощущать всю ея атмосферу, чтобы быть въ состояніи взять изъ жизни и представить въ своемъ произведеніи такой эпизодъ, по которому можно было бы свободно и легко судить о жизни, въ полномъ ея составѣ и объемѣ. Оба эти условія равно необходимы. Явись геніальнѣйшій писатель у народа, котораго жизнь состоитъ изъ капризныхъ случайностей или изъ дикихъ наростовъ: онъ сдѣлается, можетъ-быть, прекраснымъ разкащикомъ, милымъ повѣствователемъ, занимательнымъ анекдотистомъ; но его произведеніе не наведетъ насъ на мысль о цѣлой жизни народа. Мы будемъ съ живымъ интересомъ читать его разказы; но наше вниманіе будетъ поглощено содержаніемъ разказовъ, и за ихъ рубежъ мы не перешагнемъ: потому что занимательные разказы *сами по себѣ*, а жизнь, сложенная изъ прихотливыхъ капризовъ и случайностей, тоже *сама по себѣ*, и нѣтъ никакой возможности по первымъ судить о послѣдней. Ясно также и то, что какъ бы ни была стройна сама по себѣ жизнь, — не всякій можетъ понять эту стройность, вслушаться въ ея музыку. Это доступно только чуткой душѣ художниковъ, да еще глубокимъ мыслителямъ, у которыхъ, на днѣ великаго ума кипитъ живой родникъ поэзіи. Англійская жизнь—именно такая жизнь, которая отличается стройностію, а писатель романа *Жизнь за жизнь* обладаетъ, какъ видно, художественною чуткостью къ окружающей его жизни: вотъ почему его произведеніе имѣетъ достоинство эпизода, говорящаго намъ о цѣлой жизни и настраивающаго наше воображеніе къ тому, что оно да-

леко выходитъ за предѣлы романа, и само какъ бы дѣлается творцомъ.

Но въ романѣ *Жизнь за жизнь* есть и другая особенность, благодаря которой онъ такъ настраиваетъ воображеніе читателя, что оно не можетъ удержаться въ предѣлахъ романа. Все то что̀ можетъ придать героямъ романа, ихъ дѣйствіямъ и состояніямъ пластическую опредѣленность, что̀ можетъ какъ бы приковать ихъ къ опредѣленному мѣсту и времени,—все это отброшено. Дѣйствіе романа, главнымъ образомъ, происходитъ въ одномъ мѣстечкѣ Рокмонтѣ. А что̀ такое Рокмонтъ? — даже и это не описано въ романѣ. Изъ одного мѣста въ немъ мы узнаемъ, что тамъ шелъ дождь и была слякоть, изъ другаго—что былъ прекрасный день: вотъ и все, или, лучше сказать, все въ этомъ родѣ. Если литературное произведеніе, отличающееся пластическою опредѣленностью, можно сравнить съ пѣніемъ, гдѣ извѣстный текстъ даетъ направленіе мыслямъ и чувствамъ слушателя; то произведеніе безъ этой опредѣленности можно сравнить съ музыкой, которая даетъ несравненно больше простора и мысли, и чувству, и воображенію слушателя, позволяя его душѣ, подъ чарующіе звуки, уноситься въ недовѣдомую даль. Слабая, безъ глубокой мысли, музыка, конечно, не унесетъ слушателя слишкомъ далеко; но произведеніе, проникнутое глубокою идеей, непремѣнно раздвинетъ предъ слушателемъ широту жизни. Романъ *Жизнь за жизнь*, раскрывающій полноту и разнообразіе внутренней духовной жизни въ прекрасныхъ, законченныхъ типахъ, походитъ именно на такое произведеніе. Опредѣленность въ очертаніяхъ внѣшней жизни, со всею ея обстановкой, произвела бы здѣсь нѣкоторое стѣсненіе. Дора, какъ живая личность, встрѣтившаяся съ замѣчательнымъ человѣкомъ, понявшая и оцѣнившая его, конечно, ничего не потеряла бы; но Дора, какъ типъ, какъ представительница извѣстнаго характера, какъ лицо развивающее въ себѣ извѣстные общечеловѣческіе интересы,—эта Дора непремѣнно поблѣднѣла бы. Мнѣ кажется, что и наше сочувствіе къ ней тогда значительно уменьшилось бы: потому что тогда мы видѣли бы въ ней обитательницу Рокмонта, а теперь мы видимъ въ ней *женщину, человѣка*; теперь ничто не мѣшаетъ

намъ перенести эту прекрасную личность куда угодно, хоть, напримѣръ, подъ сѣрое небо Петербурга; теперь ничто не мѣшаетъ намъ (и это самое главное) принять и приложить къ своей собственной душѣ всѣ тѣ духовно-нравственные интересы, которые занимали и волновали Дору. То же самое должно сказать и про всякую другую личность романа, и про цѣлый романъ. Отсутствіе въ немъ пластической опредѣленности въ очертаніяхъ, преобладаніе типическаго надъ случайнымъ придаютъ ему идеальный характеръ, а все идеальное свободно, широко и никакъ не можетъ улечься въ опредѣленныя рамки.

Итакъ, повторяю, романъ *Жизнь за жизнь*, когда я представляю его себѣ въ цѣломъ его составѣ, является предо мною прекрасною, широкою картиною, нестѣсненною никакими рамками, проникнутою идеальнымъ характеромъ. Кромѣ живыхъ и движущихся отдѣльныхъ фигуръ, я вижу на этой картинѣ еще *жизненныя нити*, которыми перепутаны фигуры во всѣхъ направленіяхъ и которыя соединяютъ ихъ со общею жизнію, окружающею ихъ со всѣхъ сторонъ; я вижу на этой картинѣ своего рода *нравственную атмосферу*, которою дышатъ эти живыя отдѣльныя личности.

По поводу Лизабели и ея беззаботнаго смѣха, я уже имѣлъ случай замѣтить, что въ романѣ *Жизнь за жизнь* представляется переходъ отъ безпощаднаго ригоризма въ жизнь дающую просторъ человѣческому чувству и всѣмъ его законнымъ правамъ. Ригоризмъ съ своими представителями поставленъ въ дали и тѣни; жизненное начало— на главномъ планѣ, и дѣйствіе романа открывается съ того пункта, когда это начало объявило войну и стало уже торжествовать надъ своимъ противникомъ. Но каждый внимательный читатель романа очень ясно видитъ другія сцены, предшествовавшія началу романа, когда было полное торжество ригоризма, когда онъ ломалъ и крушилъ все что ему ни попадалось: видитъ онъ мистера Джонстона, молодаго и энергическаго, прилагающаго свои правила при воспитаніи своего бѣднаго сына; видитъ, какъ эти правила нравственно сгубили несчастнаго сына, какъ онъ безжалостно былъ оттолкнутъ отъ семейства, и наконецъ безславно погибъ въ пьяной дракѣ; видитъ онъ, далѣе, сцены безмолвія и гробовой тишины въ ригористиче-

скомъ семействѣ, слѣдовавшія за смертію изгнаннаго сына, когда воспитывались дочери пастора въ тѣхъ же самыхъ правилахъ. Видятся читателю и другія сцены, тоже предшествовавшія началу романа: видятся ему два брата, связанные дружбою и взаимною откровенностію, разлука этихъ братьевъ, уклоненіе младшаго съ прямаго пути жизни, кончившееся убійствомъ, пробужденіе и муки совѣсти въ убійцѣ, продолжавшіяся цѣлыхъ двадцать лѣтъ, смягчаемыя и въ тоже время усиливаемыя воспоминаніемъ о преждевременно потерянномъ старшемъ братѣ, нѣжномъ другѣ и умномъ руководителѣ. И въ этихъ сценахъ является также духъ ригоризма, но только другаго рода. Въ первыхъ сценахъ дѣйствуетъ ригоризмъ какъ *ученіе*, дошедшее по преданію. Въ послѣднихъ дѣйствуетъ ригоризмъ какъ внутреннее *ощущеніе*, какъ неудовлетворяемая потребность нравственной чистоты; представитель этого ригоризма, какъ всегда бываетъ съ людьми, путемъ опыта и жизни, а не одного преданія и доктрины, дошедшими до извѣстнаго настроенія, строгъ преимущественно къ самому себѣ, мучитъ себя, а всѣмъ другимъ старается служить и помогать, хотя не съ тою полнотой живаго сочувствія, съ какою должна подаваться помощь ближнимъ. Тѣ и другія сцены полнаго господства ригоризма ясно видятся читателю романа, хотя они прямо и не начерчены въ немъ; поэтому романъ расширяется далеко-далеко, и съ трудомъ усматриваетъ глазъ гдѣ его начало.

Но вотъ передъ глазами уже дѣйствительныя сцены, прямо и ясно начерченныя въ романѣ и составляющія его содержаніе. На почвѣ самаго ригоризма выросли три бойца, выступившіе противъ его исключительности и деспотизма. Три амазонки выступили съ однимъ оружіемъ — любовью; но каждая изъ нихъ по своему владѣла этимъ оружіемъ; въ битву онѣ вступили при разныхъ обстоятельствахъ, и не одинаковую одержали побѣду. Какъ и слѣдовало, первая вышла старшая сестра. Это — боецъ сильный и крѣпкій, но у него оружіе заколдовано непріятелемъ. Борьба длится долго-долго, и кончается... право, я затрудняюсь сказать чѣмъ она кончается... она кончается пораженіемъ, но такимъ пораженіемъ, которое славнѣе иной побѣды. Потомъ выступаетъ другая амазонка, средняя сестра. Это — не простой боецъ, а геніальный полководецъ. За то и битва

у него трудная. На его долю выпало вести атаку вдругъ противъ обоихъ видовъ ригоризма, сопоставить ихъ другъ съ другомъ, примирить между собою и наконецъ подчинить своему вліянію. Не удивительно, что такая сложная война велась тоже очень долго. На долю этого же геніальнаго полководца выпало принять непосредственное участіе и въ воинскихъ трудахъ другихъ двухъ амазонокъ. Старшая сестра уже десять лѣтъ ведетъ утомительную борьбу; средняя еще только готовится къ борьбѣ: въ это время выступила младшая сестра. Повидимому, она совершенно безоружна; а между тѣмъ, эта удивительная амазонка скорѣе другихъ выходитъ изъ борьбы, доказывая своею судьбой, что природа съ своими инстинктами бываетъ иногда сильнѣе человѣка съ его разумомъ и сознаніемъ.

Когда я смотрю на эту борьбу, меня поражаетъ необыкновенное соотвѣтствіе между дѣйствующею силой и успѣхомъ дѣйствія, между трудомъ и его плодами. Кому дано больше, тотъ больше трудится, тому тяжелѣе, тотъ медленнѣе достигаетъ побѣды; но за то его побѣда блистательнѣе и величественнѣе: этотъ неизмѣнный законъ человѣческой нравственности составляетъ душу этой великой борьбы, рисуемой въ романѣ *Жизнь за жизнь*. Борьба кончена; романъ заключенъ: но воображеніе читателя не прекращаетъ своей дѣятельности. Ему рисуются сцены дополнительныя. Мистеръ Джонстонъ, оставленный въ романѣ человѣкомъ поколебавшимся въ своихъ понятіяхъ, представляется, въ этихъ дополнительныхъ сценахъ, болѣе и болѣе сродняющимся съ новою живою стихіей. Пенелопа рисуется обрѣтающею покой, высокое наслажденіе въ подвигахъ любви и самоотверженія, и окруженною ореоломъ всеобщаго уваженія. А тамъ, далѣе, выступаетъ новое поколѣніе, для котораго суровый ригоризмъ — уже одно преданіе...

Въ качествѣ эпизода или отрывка характеризующаго цѣлую народную жизнь, изъ которой взято его содержаніе, этотъ романъ отражаетъ на себѣ общее направленіе этой жизни: и здѣсь-то причина и основаніе почему въ немъ такъ, а не иначе, расположены тѣни и свѣтъ. Это направленіе—*прогрессъ*.

Передъ каждымъ человѣкомъ лежатъ въ жизни два пути. *Одинъ* путь добра и истины, ведущій человѣка къ большему

и большему нравственному облагороженію и совершенству. Этотъ путь давно названъ *узкимъ*, потому что онъ ведетъ человѣка постоянною борьбой съ окружающею дѣйствительностію; но въ то же время этотъ путь нужно назвать *прогрессивнымъ*, потому что онъ ведетъ человѣка къ новымъ и новымъ торжествамъ; его нужно также назвать путемъ къ *счастію*,—но къ счастію внутреннему, основывающемуся на внутреннемъ мірѣ человѣка, его душевной стройности и силѣ, слѣдовательно къ счастію самому прочному. Идя по *другому* пути, человѣкъ *живетъ какъ живется*; куда толкнутъ его обстоятельства, туда и направляетъ онъ свои покорные шаги; мудреныхъ вопросовъ: хорошо ли это? достойно ли это меня?—не любитъ задавать себѣ человѣкъ идущій по этому пути, давнымъ-давно названному *широкимъ*. И этотъ широкій путь часто ведетъ къ счастію. Человѣкъ, постоянно толкаемый туда и сюда, пріобрѣтаетъ умѣнье и навыкъ *лавировать*, приноровляться къ разнымъ обстоятельствамъ, избѣгать непріятностей, дѣлать даже разныя пріобрѣтенія, впрочемъ такія, которыя сегодня хороши и прибыльны, а завтра, можетъ-быть, никуда не будутъ годиться. Какъ вся жизнь на этомъ пути случайна, такъ и счастіе случайно, эфемерно и мелко. Отъ самаго человѣка, отъ его *свободной воли*, зависитъ избрать тотъ или другой путь жизни; отъ его свободной воли зависитъ переходить съ одного пути на другой. Но на его рѣшеніе, при выборѣ пути, всегда имѣютъ большое вліяніе слѣдующія два обстоятельства: *знаетъ ли* онъ и *умѣетъ ли различать* оба пути одинъ отъ другаго? а также: *вѣритъ ли* онъ въ силу и крѣпость того нравственнаго закона, который всѣмъ управляетъ на узкомъ пути? Не умѣя различать одинъ путь отъ другаго, человѣкъ постоянно будетъ сбиваться; не вѣря въ силу нравственности, онъ не рѣшится идти по узкому пути, хотя бы и зналъ его.

Итакъ, въ личной жизни есть прогрессъ, по крайней мѣрѣ, онъ здѣсь возможенъ, и я не знаю, найдется ли хоть одинъ человѣкъ, который бы рѣшился оспаривать эту истину. Но и народъ — своего рода *личность*; законы жизни народа тѣ же самые, какіе существуютъ для отдѣльнаго человѣка. Тѣ же два пути лежатъ передъ каждымъ народомъ. По первому пути народъ можетъ нейдти (потому что это зависитъ отъ его свободы); но са-

мый путь будетъ существовать. По элегическому выраженію пророка Іереміи, онъ будетъ *рыдать*, не видя на себѣ путниковъ; но уничтожить его нельзя, и народъ, обладающій свободой, подобно отдѣльному человѣку, во всякое время можетъ услышать беззвучное рыданіе оставленнаго имъ пути и вступить на него. Въ отдѣльномъ человѣкѣ *знаніе* двухъ путей жизни и *вѣра* въ путь прогресса могутъ образоваться вмѣстѣ, а также вмѣстѣ расти и крѣпнуть. Но въ такой сложной личности, какъ народъ, *вѣра* въ прогрессъ должна предшествовать *знанію*.

VI.

Какъ я уже сказалъ, въ романѣ *Жизнь за жизнь*,—когда его представляешь себѣ въ полномъ объемѣ и составѣ,—поражаетъ необыкновенное соотвѣтствіе между дѣйствующею силой и успѣхомъ дѣйствія, между трудомъ и его плодами. Гдѣ причина такого явленія? Вокругъ всѣхъ дѣйствующихъ лицъ, принадлежащихъ къ двумъ борющимся партіямъ, обвивается *одна* жизненная нить, прикасаясь къ ихъ чувствительнымъ нервамъ,—и эта нить своимъ прикосновеніемъ производитъ удивительное явленіе. Что это за нить? Прежде чемъ назовемъ ее, посмотримъ какъ она обнаруживается между людьми.

Кончивъ воспитаніе своихъ дочерей, мистеръ Джонстонъ освободилъ ихъ отъ постоянной опеки, и предоставилъ каждой изъ нихъ дѣйствовать какъ угодно. Вслѣдствіе этого, разнохарактерные члены семейства скоро раздѣлились и, находясь въ одномъ домѣ, жили уединенно другъ отъ друга—„по своимъ берлогамъ", какъ выразилась однажды проницательная миссъ Дора. Только въ тѣхъ случаяхъ, когда непремѣнно требовалось участіе мистера Джонстона, какъ главы семейства или пастора, онъ вступался въ дѣла и судьбу другихъ. Такъ, по случаю сватовства Трегерна, онъ обнаружилъ свои ригористическія требованія относительно этого молодаго человѣка. Еще яснѣе показалъ онъ ригоризмъ свой, когда обнаружилась исторія Эркварта. По случаю проповѣди своего помощника, по случаю возвращенія въ Рокмонтъ Лидіи съ маленькимъ Франки, также были тяжелыя

сцены въ ригористическомъ духѣ. Мистеръ Джонстонъ, этотъ великій ригористъ, не стѣснялъ однако другихъ, хотя и зналъ, что они, въ своемъ собственномъ кругу, поступаютъ даже вопреки ему. „Не пишешь ли ты къ мистеру Эркварту?“ спросилъ онъ однажды Дору, послѣ разрыва съ Эрквартомъ.—„Да, папа,“ отвѣчала Дора. Что̀ значитъ такая умѣренность въ мистерѣ Джонстонѣ?

Пенелопа съ перваго разу почувствовала нѣкоторую антипатію къ Эркварту и была съ нимъ очень суха, если не груба. Она знала объ отношеніяхъ его къ Дорѣ, — по крайней мѣрѣ догадывалась о нихъ: а между тѣмъ и эта ригористка ни разу не рѣшилась передать Дорѣ свои личныя антипатіи къ Эркварту, ни разу не рѣшилась подчинить такъ или иначе сестру своему вліянію. И только однажды, въ минуту страшной сердечной боли, она сказала ей: „не вѣрь, обманетъ.“

Дора и Лизабель съ удивленіемъ смотрѣли на десятилѣтнюю, необыкновенную вѣрность Пенелопы Франсису. Первая не разъ высказываетъ это удивленіе въ своихъ запискахъ; беззаботная Лизабель высказала его только однажды, но за то слишкомъ ясно. — „Неужели же томиться какъ Пенелопа?“ сказала она Дорѣ, объявивъ ей о своемъ намѣреніи выйдти за Трегерна. Между тѣмъ, ни Дора, ни Лизабель ни разу не показали желанія передать Пенелопѣ свой взглядъ на ея отношенія къ Франсису, тѣмъ болѣе измѣнить какъ-нибудь по своему эти отношенія. Въ другой странѣ, при другомъ строѣ жизни, это можетъ-быть назвали бы *равнодушіемъ*, даже *недостаткомъ сестриной любви*; прибавлю: въ другой странѣ, при другомъ строѣ жизни, можетъ-быть и шло бы такое названіе. Но когда читаешь романъ *Жизнь за жизнь*, то какъ-то невольно чувствуешь, что Дора и Лизабель и не могли иначе вести себя по отношенію къ своей старшей сестрѣ, при всей своей любви къ ней. Что̀ жь это значитъ?..

Но особенно замѣчательны отношенія противниковъ ригоризма къ его главному представителю. Во всемъ романѣ нѣтъ ни одного случая, когда бы они сдѣлали на него прямое и рѣшительное *нападеніе*, хотя иногда къ этому располагали ихъ личные интересы. Въ рокмонтскомъ семействѣ, особенно къ концу романа, все рѣшительно на-

зрѣло такъ сильно и больно, что читая, такъ и ждеть семейной катастрофы; но катастрофы не случилось... А между-тѣмъ, съ какою твердостію, съ какою настойчивостію, съ какимъ постоянствомъ шли бойцы къ своей цѣли, особенно Дора! Вотъ она убѣдилась, что бѣдную Лидію съ ея маленькимъ Франки нужно принять ласково въ рокмонтскомъ приходѣ, что ее нужно окружить вниманіемъ, участіемъ. Кротко, даже робко она сообщила, при удобномъ случаѣ, свои мысли отцу. Этотъ не согласился съ нею. Дора не настаиваетъ, не пускается въ длинныя опроверженія взглядовъ своего папа, даетъ ему срокъ подумать, а между тѣмъ сама отправляется въ коттеджъ мистриссъ Кертрайтъ. Что же вышло? Туда же, вслѣдъ за нею является и ея папа... Едва ли бы случилось это, еслибы Дора дѣйствовала иначе... Въ высшей степени замѣчательна та сцена романа, когда Дора, рѣшившись отдать свою руку Эркварту, объявляетъ объ этомъ отцу. Эту сцену можно назвать генеральнымъ сраженіемъ двухъ противоположныхъ направленій, въ которомъ каждая сторона дѣйствовала своеобразно, въ своемъ собственномъ духѣ, но въ высшей степени честно, сохраняя полное уваженіе къ сторонѣ противной. Рѣшеніе Доры непреклонно и неизмѣнно,—но не безъ нѣкоторыхъ приготовленій она объявляетъ о немъ своему папа. И сколько мягкости, нѣжности, почтенія, а вмѣстѣ сколько твердости въ этомъ объявленіи!.. Согласіе, прямое и рѣшительное согласіе, не было дано, по крайней мѣрѣ оно не было высказано, хотя можетъ быть оно и было въ душѣ... Дора не настаиваетъ, не принуждаетъ своего отца, чтобъ онъ выговорилъ ей согласіе... Это, по моему мнѣнію, рѣдкая черта деликатности со стороны Доры; это—благородное великодушіе побѣдителя, который не хочетъ вынуждать признанія у побѣжденнаго въ своемъ пораженіи... За такое благородное великодушіе достойно отплатилъ и мистеръ Джонстонъ,—отплатилъ не словами, а самымъ дѣломъ, когда явился въ лондонскую церковь къ вѣнчанію своей дочери и, въ самую торжественную минуту священнаго обряда, произнесъ свое согласіе на ея бракъ съ Эрквартомъ...

Но довольно предаваться воспоминаніямъ о событіяхъ разказанныхъ въ романѣ. Пора назвать ту жизненную нить, которою опутаны всѣ герои романа; пора объяснить что

она такое... Эта нить — то же самое что вѣротерпимость въ дѣлахъ религіи, что уваженіе къ чужой національности въ международныхъ отношеніяхъ, что уваженіе ко мнѣнію другаго въ сферѣ мысли и частной жизни. Это то что обыкновенно называется *гуманностью;* это — уваженіе одной личности къ другой, основывающееся на сознаніи, что всякая другая личность, подобно мнѣ, имѣетъ полное право быть съ своими собственными убѣжденіями, дѣйствовать въ духѣ этихъ убѣжденій, и что, слѣдовательно, подавлять ихъ какими-нибудь насильственными мѣрами значитъ поступать незаконно, значитъ гордо считать себя единицей, а всѣхъ прочихъ людей нулями.

Какъ уваженіе къ личности всякаго другаго человѣка, или какъ уваженіе къ нравственной силѣ, заключенной въ личности другаго человѣка, *гуманность* можетъ образоваться только тогда, когда есть увѣренность, что существуетъ эта нравственная сила, что она проявляется и можетъ проявляться въ каждомъ человѣкѣ, кто бы онъ ни былъ. При этой увѣренности, человѣкъ въ себѣ и въ каждомъ видитъ не столько людей поставленныхъ въ различныя, часто случайныя отношенія (знатнаго къ плебею, богатаго къ бѣдному, ученаго къ необразованному, начальника къ подчиненному и пр. и пр.), сколько представителей и носителей нравственной силы, съ безконечнымъ разнообразіемъ проявляющейся въ отдѣльныхъ личностяхъ и всегда стоящей выше каждой отдѣльной личности. Въ томъ обществѣ, гдѣ гуманность есть жизненная стихія окружающая людей со всѣхъ сторонъ, такое воззрѣніе на людей имѣютъ всѣ, хотя не всѣ даютъ сами себѣ отчетъ въ этомъ. Я увѣренъ, что мистеръ Джонстонъ, Пенелопа, а тѣмъ болѣе Лизабель не разсуждали о гуманности; а между тѣмъ всѣ они дѣйствуютъ въ духѣ гуманнаго воззрѣнія, то есть чувствуютъ, что въ каждомъ другомъ человѣкѣ заключена сила, которую надобно уважать, по крайней мѣрѣ обходиться съ нею осторожно. Отъ гуманнаго воззрѣнія на людей проистекаетъ очень много послѣдствій, и притомъ самыхъ благодѣтельныхъ для людей. Самое существенное изъ нихъ — *безпристрастіе,* или, точнѣе, *два безпристрастія. Первое* безпристрастіе, самое трудное для людей, *безпристрастіе къ себѣ и другимъ людямъ.* Въ самомъ дѣлѣ, какъ я могу ослѣпляться на свой счетъ, если живетъ во мнѣ это убѣжденіе,

что я и всякой другой—равныя единицы, что всѣ мы представители одной силы, и что тотъ изъ насъ выше и лучше, кто лучше представляетъ эту силу и полнѣе проявляетъ ее въ своей жизни? Каждый человѣкъ есть существо нравственное во глубинѣ своей природы, и по природѣ питаетъ уваженіе къ нравственной силѣ; поэтому, если только онъ возвысится до живаго представленія этой силы, если онъ пойметъ, гдѣ и какъ живетъ она, онъ непремѣнно заглушитъ въ себѣ мелкую страстишку самолюбія, такъ часто ослѣпляющую людей. Но заглушая страстишку самолюбія, то же самое безпристрастіе, о которомъ у меня теперь рѣчь, возбуждаетъ и вызываетъ въ человѣкѣ уваженіе къ себѣ, какъ представителю нравственной силы. Имѣя уваженіе къ себѣ, человѣкъ не сидитъ сложа руки, когда другіе дѣйствуютъ, но и самъ дѣйствуетъ, и умѣетъ согласить свои дѣйствія съ дѣйствіями другихъ, не стѣсняя ни себя, ни другихъ. Уваженіе къ себѣ спасаетъ человѣка отъ того опаснаго и важнаго недостатка, который всего скорѣе и больше грозитъ людямъ съ гуманными отношеніями къ другимъ,—отъ того, что на языкѣ религіи, науки и общественности, называется, *индифферентизмомъ*. Кто уважаетъ себя какъ представителя нравственной силы, тотъ никогда не сдѣлается и не будетъ въ жизни индефферентистомъ, потому что, не стѣсняя другихъ, и самъ будетъ дѣйствовать въ духѣ своихъ убѣжденій, и если эти убѣжденія истинны, они рано или поздно одержатъ верхъ. *Другое* безпристрастіе, раждающееся отъ гуманнаго воззрѣнія на людей, тоже чрезвычайно трудно для нихъ. Оно состоитъ въ умѣньи и нравственномъ мужествѣ различать въ человѣкѣ представителя и носителя нравственной силы и особу поставленную въ разнообразныя, иногда благопріятныя, иногда стѣснительныя обстоятельства, и перваго всегда предпочитать послѣдней. Обстоятельства эти слишкомъ разнообразны, почти всегда случайны; но, при встрѣчѣ съ каждымъ человѣкомъ, они прежде всего бросаются въ глаза и овладѣваютъ вниманіемъ. Когда-то я узнаю, каковъ мой новый знакомый, какія у него убѣжденія, какія стремленія и цѣли? Но мнѣ не стоитъ никакого труда узнать: какого онъ происхожденія, каково его общественное положеніе, каковы матеріальныя средства? Что же, если я остановлюсь на этомъ и не пойду

далѣе? Что, если я удовлетворюсь этимъ дешевымъ и наглядньмъ знакомствомъ и буду судить о людяхъ, даже дѣйствовать по отношенію къ нимъ только сообразно съ этими обстоятельствами? А такъ случается сплошь да рядомъ. И вотъ проходятъ годы; человѣкъ оглядывается назадъ. Что же онъ видитъ? Жизнь—какъ прихотливая проселочная дорога, съ безчисленными изгибами и загогулинами; пропасть встрѣчъ съ такимъ-то и такою-то, при такихъ-то обстоятельствахъ, послѣ встрѣчъ—разлуки столь же случайныя какъ самыя встрѣчи, совершавшіяся по волѣ тѣхъ же всесильныхъ обстоятельствъ,—вотъ что представляетъ услужливая память. Но что осталось отъ этихъ встрѣчъ? Былъ ли въ нихъ какой-нибудь смыслъ? Увы! на эти вопросы нѣтъ отвѣта, да и не можетъ быть: потому что, когда случалались встрѣчи, человѣкъ не давалъ себѣ труда пристально всматриваться въ людей...

Благодаря уваженію къ личности, никакая сила не пропадаетъ въ комъ бы она ни проявилась, среди какихъ бы обстоятельствъ ни суждено было ей проявляться; благодаря такому взгляду на личность, все стѣснительное для нея, все мѣшающее такъ или иначе ея проявленіямъ, заботливо устраняется, или вѣрнѣе сказать, само собою отпадаетъ и изчезаетъ. Вслѣдствіе этого, въ человѣческой жизни начинаютъ дѣйствовать уже *однѣ* силы нравственныя, заключенныя въ разныхъ личностяхъ. Между ними завязывается борьба, потому что безъ борьбы ничего не совершается въ человѣческой жизни; но какъ въ образѣ веденія этой борьбы, такъ равно и въ ея исходѣ, осуществляются уже не случайности человѣческой жизни, а коренные законы нравственной силы, именно: сила *бóльшая* могущественнѣе дѣйствуетъ и къ бóльшимъ приводитъ результатамъ, хотя бы она и была заключена въ такой личности, которая, по своему внѣшнему положенію, не слишкомъ богата средствами къ дѣятельности; напротивъ, сила слабѣйшая, тѣмъ болѣе сила фальшивая, невольно уступаетъ болѣе могущественной силѣ, хотя бы она и была поддержана всякаго рода внѣшними подпорами. И вотъ молодая дѣвушка оказывается гораздо сильнѣе чѣмъ мущина, въ теченіи многихъ лѣтъ постепенно слагавшійся въ своемъ характерѣ; дѣвушка, плохо знающая Ветхій Завѣтъ и не слыхавшая *о градахъ убѣжища*, рѣшаетъ въ своей жизни муд-

реный вопросъ относительно внутренняго смысла и значенія Ветхаго Завѣта и Новаго, рѣшаетъ его несравненно вѣрнѣе чѣмъ спеціалистъ-богословъ, старый пасторъ, и гораздо благоразумнѣе чѣмъ другой богословъ, молодой пасторъ, рѣшившійся возстать противъ ригоризма, который свирѣпствовалъ въ рокмонтскомъ приходѣ, думавшій подорвать этотъ ригоризмъ свидѣтельствомъ самаго Ветхаго Завѣта, и съ этою цѣлію сказавшій проповѣдь *о градахъ убѣжища*. Авторъ романа *Жизнь за жизнь* представителями побѣдоноснаго жизненнаго начала сдѣлалъ женщинъ. Это не случайность; это не капризъ романиста; это и не подражаніе древнимъ, которые все жизненное любили олицетворять въ образѣ женщинъ. Нѣтъ, въ такомъ выборѣ представителей жизненнаго начала высказалось въ авторѣ просто умѣнье—яснѣе и полнѣе оттѣнить могущество и крѣпость нравственныхъ силъ, при ихъ свободѣ отъ всѣхъ внѣшнихъ стѣсненій, благодаря гуманной стихіи, въ которой вращаются эти силы.

Гуманность даетъ просторъ нравственнымъ силамъ, освобождая ихъ отъ всякихъ стѣсненій: но *что* развиваетъ эти силы, *что* поддерживаетъ въ нихъ жизненность, *что* направляетъ ихъ къ опредѣленнымъ цѣлямъ? Эти вопросы сами собою возникаютъ теперь, и настойчиво требуютъ себѣ рѣшенія.

Нравственная сила, безъ сомнѣнія, и сама себя можетъ развивать, потому что въ ней заключено много жизненныхъ началъ; но такое развитіе можетъ идти только до извѣстной степени, именно на столько, на сколько позволятъ тѣ жизненныя начала, какими владѣетъ та или другая личность. Притомъ, это самостоятельное, самозаключенное, это уединенное развитіе нравственной силы, никакъ не можетъ спастись отъ какой-нибудь односторонности, какой-нибудь угловатой оригинальности. При такомъ развитіи, могутъ появляться очень замѣчательныя личности, способныя наполнить цѣлый міръ своею славой; но не можетъ образоваться стройно и всесторонне-развитаго общества, въ народной жизни не можетъ быть послѣдовательной передачи добытыхъ нравственныхъ пріобрѣтеній,—однимъ словомъ, не можетъ быть того что называется прогрессомъ, а если и будетъ прогрессъ, то какой-нибудь односторонній. Нѣтъ, въ уединеніи можно

готовиться къ жизни, можно отдыхать послѣ бурь житейскихъ; но жить никакъ нельзя.' Такъ именно понимаетъ это дѣло авторъ нашего романа, или, вѣрнѣе, такъ именно понимаютъ это дѣло въ Англіи. Главные герои романа начинаютъ уединеніемъ. Дора сначала ведетъ самозаключенную жизнь; въ моральномъ отношеніи, такую же жизнь ведетъ сначала и Эрквартъ. Но героями они дѣлаются въ то время, когда выходятъ изъ самозаключенія, а предшествующая уединенная жизнь только приготовляетъ ихъ къ тому, чтобъ они сдѣлались героями въ собственномъ смыслѣ.

Окружающая насъ природа можетъ давать очень много побужденій и даже матеріяловъ къ развитію нравственной силы. Природа до безконечности разнообразна; въ ея явленіяхъ есть соотвѣтствія съ движеніями и состояніями души человѣческой. Но, при всемъ сочувствіи къ природѣ, нельзя приписать ей слишкомъ большаго значенія въ великомъ дѣлѣ развитія нравственной силы. Пока эта сила молода, ей нужна природа, какъ колыбель для младенца, какъ занимательная сказка для едва-начинающагося смысла ребенка. Но когда эта сила возмужаетъ, тогда она сама почувствуетъ, что для нея мало природы. „Степь хороша, я всей душой люблю ее; но она глуха и безотвѣтна",— такъ говорилъ Кольцовъ, когда сталъ сознавать свои силы. На Пушкина весною и лѣтомъ нападала апатія, особенно когда онъ жилъ въ деревнѣ; но осенью, когда темныя ночи, слякоть, вьюги, загоняли его въ кабинетъ къ книгамъ, или въ кружокъ умныхъ и чувствующихъ людей, осенью, когда природа отталкиваетъ отъ себя, — на него сходило вдохновеніе, и всѣ его лучшія произведенія написаны въ эту грустную пору года. Тамъ, гдѣ люди слишкомъ отдаются вліяніямъ природы,—они подчиняются ей и утрачиваютъ многое истинно-человѣческое. Типъ Обломова могъ развиться только на Руси, гдѣ люди воспитываются и живутъ въ томъ привольи, какое описано въ романѣ г. Гончарова. Не трудно понять, почему природа не можетъ имѣть большаго значенія въ дѣлѣ развитія нравственной силы. Природа слишкомъ массивна и матеріяльна, и потому можетъ подавить человѣка или наложить на него слишкомъ рѣзкую печать мѣстности. Романъ *Жизнь за жизнь* почти не при-

знаетъ вліянія природы на развитіе своихъ героевъ; по крайней мѣрѣ, въ немъ ничего не говорится о такомъ вліяніи.

Да, нѣчто другое, а не природа, развиваетъ героевъ этого романа, поддерживаетъ въ нихъ жизненность, направляетъ ихъ дѣятельность къ опредѣленнымъ цѣлямъ. Это—*общественность*, и она составляетъ *другую* жизненную нить, которою связаны всѣ герои романа.

Что же такое *общественность?* Это—такое отношеніе между людьми, при которомъ разнообразные характеры, наклонности, расположенія, однимъ словомъ, всѣ богатства, какими владѣютъ отдѣльныя личности, пускаются въ оборотъ и дѣлаются болѣе или менѣе общимъ достояніемъ. Безъ искренности невозможна общественность. Тамъ, гдѣ люди живутъ какъ бы совершая какой-нибудь церемонный обрядъ, не можетъ быть общественности. Обрядъ скученъ и утомителенъ; совершающіе его понимаютъ это болѣе или менѣе ясно и живо; свое неудовольствіе они переносятъ на тѣхъ людей, съ которыми совершаютъ утомительную церемонію, и рано или поздно расходятся съ ними, расходятся даже безъ всякаго видимаго повода. Тѣмъ болѣе не мыслима общественность безъ уваженія одной личности къ другой, безъ живаго сознанія, что всякій другой человѣкъ, кто бы онъ ни былъ, въ качествѣ нравственной силы, можетъ быть мнѣ нравственно полезенъ. Безъ гуманности, безъ свободы, невозможна и самая искренность между людьми; безъ нея люди непремѣнно будутъ остерегаться, даже бояться одинъ другаго. Вообще, связь общественности и гуманности, такъ тѣсна, что первую изъ этихъ двухъ жизненныхъ нитей можно считать продолженіемъ послѣдней.

Тамъ, гдѣ завяжется узелъ общественности, онъ постепенно будетъ расти и крѣпнуть, и каждый отдѣльный человѣкъ, хотя одинъ разъ испытавшій прикосновеніе этой жизненной нити, непремѣнно ощутитъ родство съ нею, и если эта нить оборвется для него, онъ будетъ скучать и грустить. Когда бываешь въ кругу людей симпатичныхъ и искреннихъ, когда видишь ясно и въ рѣчахъ, и во взорахъ, и во всѣхъ поступкахъ своихъ собесѣдниковъ непринужденную искренность, тогда невольно и самъ оживляешься: раждаются въ головѣ мысли, какихъ одинъ никакъ бы не надумалъ; испытываешь такія движенія чувства, какихъ прежде не знала душа; чувствуешь въ себѣ силу исполнить

то, передъ чѣмъ непремѣнно сробѣлъ бы въ другое время при другихъ обстоятельствахъ. Это общественность, какъ жизненное начало, прикоснулась къ душѣ и вызвала изъ нея то что, безъ этого прикосновенія, было бы похоронено въ ней, да быть-можетъ никогда бы и не ожило. И объ этомъ прикосновеніи жизненной нити никогда не забудешь, потому что забыть о немъ значило бы забыть о такомъ моментѣ, когда видимо и осязаемо для себя выросталъ и развивался; равнымъ образомъ, никогда не забудешь и о тѣхъ людяхъ, черезъ которыхъ прикоснулась къ тебѣ чудная жизненная нить. Сохраняя о нихъ воспоминаніе, питая къ нимъ своего рода благодарность, и при встрѣчѣ съ другими новыми людьми будешь искать того же самого, а потому будешь относиться къ нимъ съ тою непринужденною искренностію, которая составляетъ основу истинной общественности. Такъ постепенно расширяется сфера общественности. Вмѣстѣ съ этимъ расширеніемъ, вмѣстѣ съ этимъ умноженіемъ числа людей, связанныхъ жизненною нитію, увеличивается и общее богатство людей: увеличивается, съ одной стороны потому что большее и большее число людей начинаетъ получать жизненное возбужденіе, а съ другой стороны потому что въ общую лабораторію жизни постепенно втягиваются люди разныхъ характеровъ, направленій, убѣжденій, и разнообразіемъ своихъ нравственныхъ натуръ даютъ больше и больше матеріяла силѣ общественности.

Съ того времени, когда люди стали понимать значеніе и силу общественнаго начала, существенно измѣнился характеръ исторіи. Прежде люди дѣйствовали массами. Тѣсно сплоченныя и спаянныя, направляемыя къ извѣстной цѣли одною или нѣсколькими выдающимися личностями, массы душили въ себѣ отдѣльныхъ людей, не давая имъ должнаго простора. Что же, поэтому, представляла исторія? Массы скоро выдыхались, замирали и дѣлались неспособными къ жизни; къ тому же вся судьба этихъ массъ зависѣла совершенно отъ одной или нѣсколькихъ личностей. Погибала подобная личность,—погибала и масса или переживала тяжелую и безплодную агонію, пока не отыскивалась другая личность, способная сплотить массу и подчинить ее себѣ. И въ то время, въ общей человѣческой жизни, было движеніе впередъ, но

движеніе медленное и неровное: смѣна одной отжившей и выдохшейся массы другою, новою, свѣжею массой, — вотъ чѣмъ производилось это движеніе. Да, наплывъ дикихъ ордъ въ то время былъ необходимъ. Но теперь все измѣнилось. Благодаря сознанному жизненному началу общественности, стали пробуждаться къ жизни и тѣ народы, которые, при старомъ порядкѣ вещей, казались уже мертвыми.

Существуетъ ли въ извѣстной странѣ общественность, какъ двигатель развитія, и какъ далеко довела она народное развитіе и какое дала ему направленіе: все это, какъ въ фокусѣ, сосредоточивается въ характерѣ любви между мущиной и женщиной. Чета, состоящая изъ двухъ людей,— какой маленькой міръ! Любовь... что̀ можетъ болѣе принадлежать личности человѣка, что̀ болѣе можетъ составлять неотъемлемую личную собственность человѣка!... Все это правда; но и то отнюдь не парадоксъ, что въ этомъ маленькомъ мірке, несравненно болѣенежели въ чемъ нибудь другомъ отражается отсутствіе общественности у извѣстнаго народа или извѣстная степень ея развитія.

Все содержаніе любви зависитъ отъ той среды, въ которой родились и получили образованіе мущина и женщина. Если эта среда не развита, если въ ней нѣтъ общественности, любовь между мущиной и женщиной проявляется какъ одно влеченіе, можетъ быть очень сильное, но *безъ всякаго содержанія*. Когда я читаю или слышу пѣсню младенческихъ временъ народа имѣющую своимъ предметомъ любовь, то мнѣ ясно слышится въ ней страсть любви, восторгъ, отчаяніе, свѣтлая радость, грусть, тоска. Но что соединяется съ этою страстью, къ чему она хочетъ направиться, что именно ее питаетъ или стѣсняетъ: обо всемъ этомъ ничего нельзя узнать изъ пѣсни. И въ средѣ, безъ всякой общественности, въ средѣ съ противуобщественнымъ направленіемъ, можетъ явиться сильная личность, съ страстнымъ неудержимымъ влеченіемъ. Спаляемая внутреннимъ огнемъ, неспособная объяснить себѣ свое стремленіе, свои потребности и уже въ этомъ отношеніи испытывающая страшныя муки, подобная личность, сверхъ того, инстиктивно приходитъ въ разладъ съ окружающею ее средой, и чрезъ это увеличиваются ея муки, и несчастная личность дѣ-

лается жертвой ужасной катастрофы. Катерина (въ *Грозъ* г. Островскаго) приходитъ мнѣ на память, съ ея неясными сердечными муками, съ ея безсвязными воплями, съ ея насильственною смертію...

Если среда, окружающая мущину и женщину, имѣетъ нѣкоторое образованіе, но лишена общественности; то любовь между мущиною и женщиной бываетъ влеченіемъ болѣе или менѣе сознательнымъ (смотря по личному развитію мущины и женщины), но непремѣнно *эгоистическимъ*. Оба живутъ и жертвуютъ другъ для друга всѣмъ, или требуютъ другъ отъ друга всякихъ жертвъ. Любовь составляетъ для нихъ все, и внѣ ея нѣтъ ничего. Повидимому, чего же лучше? Но у этой медали есть и другая сторона. „А что мнѣ отецъ, товарищи, отчизна?“ говорилъ Андрій (*Тарасъ Бульба* Гоголя), воспитанникъ кіевской бурсы, очаровавшей его Полькѣ. „Нѣтъ у меня никого, никого, никого! Кто сказалъ, что моя отчизна Украйна? Кто далъ мнѣ ее въ отчизны? Отчизна есть то, чего ищетъ душа наша, что милѣе для нея всего. Отчизна моя—ты. Вотъ моя отчизна! И понесу я отчизну эту въ сердцѣ моемъ, понесу ее, пока станетъ моего вѣка... и все, что ни есть, продамъ, отдамъ, погублю за такую отчизну!“ Такъ говорилъ Андрій, и бѣдный сдержалъ свое слово.

„О, не сердись! Всѣмъ, всѣмъ готова
Тебѣ я жертвовать, повѣрь...“

Такъ отвѣчала Марія Мазепѣ на его предложеніе пожертвовать для него своимъ отцомъ...

Но эти примѣры слишкомъ исключительны, да и страшны; къ тому же они взяты изъ стараго времени... Ну, возьмемъ что-нибудь поновѣе и не такъ страшное. Вотъ, напримѣръ, чета Маниловыхъ: по отзыву Гоголя, они счастливы другъ другомъ и любятъ другъ друга. Но далѣе сюрпризовъ въ формѣ бисерныхъ чехольчиковъ на зубочистку, далѣе чувствительныхъ рукопожатій, томныхъ поцѣлуевъ, нейдетъ ихъ любовь. Или вотъ еще, но уже не частный примѣръ, а указаніе на такое явленіе, которое часто и теперь повторяется въ моемъ любезномъ отечествѣ. „Опозорь писалъ Гоголь Языкову,—опозорь въ гнѣвномъ диѳирамбѣ новѣйшаго лихоимца нынѣшнихъ временъ, и проклятую его роскошь, и жену его, погубившую щегольяньями и тряп-

ками и себя и мужа, и презрѣнный порогъ ихъ богатаго дома, и гнусный воздухъ, которымъ тамъ дышутъ..." Но это опять страшно и, можетъ-быть, исключительно!.. Да, страшно въ лирическомъ возгласѣ поэта-моралиста, но отнюдь не страшно въ дѣйствительной жизни, а напротивъ слишкомъ обыкновенно. Мужъ, изъ любви угождающій женѣ, окружающій ее всѣми удобствами жизни, доставляющій ей всѣ удовольствія, необходимыя по его мнѣнію для ея счастія, жертвующій для этого своею совѣстію; жена, принимающая можетъ-быть съ искреннимъ чувствомъ благодарности такую внимательность къ ней мужа, платящая за нее своею любовію, но не имѣющая привычки входить въ дѣла своего мужа за порогомъ дома, не интересующаяся ни его службой, ни его обязанностями, и не задающая себѣ скучныхъ вопросовъ касательно источниковъ, какими пользуется мужъ, чтобъ окружить ее всѣми этими удобствами: ну, есть ли тутъ что-нибудь страшное, что-нибудь необыкновенное?.. А между тѣмъ этотъ мужъ, по существу дѣла, чѣмъ лучше Гоголевскаго Андрія? Да, если разбирать разные виды проявленія эгоистической любви, непремѣнно доберешься либо до чего нибудь грустнаго и тяжелаго, въ родѣ нарушенія долга и обязанностей, и постыднаго равнодушія ко всему выходящему изъ тѣснаго круга домашней жизни, либо дочего-нибудь смѣшнаго, либо вовсе ни до чего не доберешься... Но, по крайней мѣрѣ, въ своемъ-то собственномъ кружкѣ вполнѣ ли счастлива подобная любовь? Увы, и это не всегда бываетъ! Въ подтвержденіе достаточно указать на одинъ, довольно обыкновенный, спутникъ такой любви,—на *ревность*, эту недовѣрчивость, происходящую изъ эгоистическаго требованія, чтобы мущина вполнѣ и исключительно существовалъ для женщины, а женщина для мущины. Да и нельзя сказать, чтобы слишкомъ прочна была эгоистическая любовь. Ея интересы заключены въ слишкомъ тѣсномъ кружкѣ и могутъ скоро сузиться,—и вотъ начинается охлажденіе... Народъ можетъ быть очень образованъ, но если въ немъ не развиты начала общественности, то любовь, въ средѣ его, будетъ проявляться не больше какъ въ такихъ эгоистическихъ формахъ. Доказательство Франція, страна условной, обрядовой жизни, гдѣ любовь проявляется именно такимъ образомъ, какъ это раскрылъ, года три тому на-

задъ, Мишеле въ своей книгѣ (*l'Amour*), обратившей на себя вниманіе всего читающаго міра.

Наконецъ, если среда, окружающая мущину и женщину, развита или развивается на началахъ общественности, то психическая основа любви становится понятна какъ для мущины, такъ и для женщины, при самомъ пробужденіи въ нихъ или дальнѣйшемъ развитіи этого чувства, и любовь является здѣсь съ своимъ основнымъ характеромъ,—*общественностью*. Нѣтъ въ такой любви того пылу и страсти, какимъ отличается пустое влеченіе безъ всякаго содержанія, или, лучше сказать, этотъ пылъ и эта страсть есть и здѣсь, но они находятъ для себя слишкомъ обширное и разнообразное приложеніе, и потому не проявляются залпомъ, не обнаруживаются какимъ-нибудь взрывомъ; равнымъ образомъ, нѣтъ въ такой любви замкнутости, она отличается ровностію, даже кажущимся спокойствіемъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ, съ теченіемъ времени, она расширяется и крѣпнетъ больше и больше, по мѣрѣ того какъ расширяются тѣ нравственные интересы, съ которыми соприкасается и которые обнимаетъ собою эта счастливая любовь.

Основный мотивъ любви, раскрываемой въ романѣ *Жизнь за жизнь*, есть общественность. Три четы представляетъ романъ. Къ каждой изъ нихъ, при особыхъ условіяхъ, прикоснулось это жизненное начало, и въ каждой своимъ прикосновеніемъ произвело особенныя дѣйствія.

Беззаботная Лизабель не переживала тѣхъ моментовъ, когда любовь подступаетъ къ душѣ, растетъ въ ней и постепенно разливаетъ въ ней жизненную теплоту. Къ этому она была неспособна. То же самое нужно сказать и про ея обожателя Августа Трегерна. Съ маленькимъ измѣненіемъ, онъ въ дѣлѣ любви поступилъ такъ же точно, какъ Юлій Цезарь въ войнѣ: пришелъ, увидѣлъ—и былъ побѣжденъ. Поэтому, въ началѣ ихъ скороспѣлаго романа, есть явленія, которыя напоминаютъ обыкновенную эгоистическую любовь: съ одной стороны—кокетство, съ другой—ревность. Но когда романъ Лизабели и Трегерна приблизился къ вожделѣнному концу, со всѣми лицами окружающими счастливцевъ и могущими имѣть на нихъ вліяніе, произошла великая перемѣна: Дора, Эрквартъ, а наконецъ и Пенелопа были охвачены уже жизненною нитію, и черезъ нихъ-

то она коснулась беззаботныхъ счастливцевъ, Лизабели и Трегерна. Пропущенное вначалѣ стало теперь вознаграждаться. На долю Пенелопы выпала несчастная любовь. Мощная, хотя и самозаключенная натура, она, въ продолженіи многихъ лѣтъ, собирала и ревниво сохраняла въ себѣ теплоту, не удѣляя изъ нея никому ничего, ничего. Оказалось, что напрасно она собирала этотъ жаръ, что онъ не нуженъ ни ей, ни тому, кого она такъ долго считала достойнымъ своей любви. Въ это-то время и коснулась ея жизненная нить; въ это-то время и поняла Пенелопа, что кромѣ маленькаго мірка, который она хотѣла создать,— мірка, состоящаго изъ нея самой и ея воображаемаго друга,— существуетъ широкій міръ людей. Поняла это Пенелопа,— и весь внутренній жаръ своей души посвятила этому обширному міру, не оставляя для себя уже ничего, ничего... Дора и Эрквартъ проходили школу любви со всею постепенностію, начиная съ азбуки, а потому достигли громадныхъ успѣховъ. О нихъ всего меньше нужно здѣсь распространяться. Но нельзя не сдѣлать слѣдующаго замѣчанія. Дора, болѣе всѣхъ свободная отъ ригоризма, находила совершенно естественнымъ, что ея личная любовь къ Эркварту не ограничивается тѣснымъ кружкомъ ея личныхъ интересовъ и интересовъ ея добраго друга. Не совсѣмъ то было съ Эрквартомъ. Чувствуя, что его личная любовь къ Дорѣ проявляется въ теплой, искренней заботливости о Трегернахъ, Франсисѣ, Лидіи, маленькомъ Франки и другихъ личностяхъ, и что въ этой заботливости выражается его любовь къ Дорѣ, онъ удивляется самъ себѣ и своему нравственному состоянію. „Какое странное любовное письмо!“ не разъ повторяетъ онъ. Показавъ такое, едва уловимое, различіе между Дорой и Эрквартомъ, авторъ романа, по моему мнѣнію, обнаружилъ въ своемъ талантѣ удивительную наблюдательность и способность оттѣнять самыя сходныя, повидимому, психическія проявленія.

Но вотъ вопросъ: въ это семейство, по началу ригористическое, въ этотъ замкнутый кружокъ, какъ и откуда проникла жизненная стихія *общественности?* Движеніе этой стихіи какъ она постепенно охватывала разныхъ членовъ семейства и постепенно переобразовывала ихъ, кого изъ нихъ коснулась больше, кого меньше,—все это ясно видишь, читая романъ. Но, повторяю, откуда она взялась?

Въ романѣ есть личность, при посредствѣ которой внесена, въ кругъ главныхъ героевъ общественность, внесена какъ готовое начало, выработанное и развитое общею народною жизнію. Главнымъ героямъ романа принадлежитъ только та честь, что они почувствовали прикосновеніе къ себѣ жизненной нити, и романъ показываетъ намъ, какъ общественность, уже развитая у народа, охватываетъ большее и большее число людей, проникаетъ черезъ разные органы въ такіе уголки, которые доселѣ были ей чужды, находитъ здѣсь новые органы,—органы, можетъ-быть лучшіе прежнихъ,—преобразуетъ ихъ, дѣлаетъ изъ нихъ новыхъ людей, и такимъ образомъ подвигаетъ впередъ общее дѣло народной жизни.

Добрѣйшая мистриссъ Грантонъ, и о васъ, наконецъ, я вспомнилъ! Да, вы, вы, мистриссъ Грантонъ, та личность, при посредствѣ которой въ замкнутый кружокъ ригористическаго семейства внесена жизненная стихія общественности. Вы—олицетворенная общественность. Вы для всѣхъ—все. Съ мистеромъ Джонстономъ вы толкуете о приходскихъ дѣлахъ, о томъ, нужно ли давать бѣднымъ пиво: въ то же время вы хлопочете о томъ, чтобы молодая дѣвица имѣла кавалера въ танцахъ: такъ было въ знаменитый вечеръ, когда въ вашемъ домѣ Дора въ первый разъ встрѣтилась съ Эрквартомъ. Съ необыкновенною прозорливостію вы угадываете людей, заглядываете въ ихъ душу. Вы первая оцѣнили мистера Эркварта и первая почувствовали къ нему истинное и глубокое уваженіе. Когда семейство рокмонтскаго ректора еще не представляло ничегоособеннаго, вы уже поняли и оцѣнили его,—поняли, какіе добрые задатки таятся въ молодыхъ членахъ ректорскаго семейства, и потому свои материнскія мечты относительно *моего Колина* слили съ мечтами объ этомъ семействѣ. Заболитъ ли кто,—вы уже озабочены, вы уже хлопочете. Попадетъ ли кто на дурную дорогу, увлечется ли дурными примѣрами, о, какъ вы бываете огорчены этимъ, какое живое, теплое состраданіе ощущаетъ ваша душа при этомъ случаѣ! Вы первая стали отыскивать бѣдную Лидію. Да, мистрисъ Грантонъ, вы—олицетворенная общественность; вы вся—искренность. Вы вѣрите въ людей; вы вполнѣ убѣждены, что нѣтъ неисправимаго человѣка. По отзыву Доры, вы взялись бы даже за исправленіе

самаго дьявола, почувствовали бы къ нему состраданіе, и не теряли бы надежды исправить этого неисправимаго джентльмена. Сливъ свои материнскія мечты относительно *моего Колина* съ мечтами о молодыхъ членахъ ректорскаго семейства, вы были особенно радушны къ этому семейству, особенно искренни съ нимъ, и потому имѣли на это семейство почти роковое вліяніе,—преимущественно же на Дору, вашу даровитѣйшую ученицу въ усвоеніи общественности. Что жъ? Ужь не заподозрить ли васъ, на этомъ основаніи, въ нѣкоторомъ эгоизмѣ — материнскомъ эгоизмѣ? О, глубокое оскорбленіе нанесетъ вамъ тотъ, кто заподозритъ васъ въ этомъ! Онъ покажетъ вмѣстѣ и свою недальновидность. Вѣдь вы, добрѣйшая мистриссъ Грантонъ, ясно доказали, что вы хотя и любите *моего Колина*, но чужды материнскаго эгоизма! Вѣдь вашимъ мечтамъ относительно ректорскаго семейства не суждено было сбыться; вѣдь эти мечты одна за другою полопались, какъ мыльные пузыри; а между тѣмъ ваши отношенія къ ректорскому семейству нисколько не измѣнились, и вы оказались нисколько не похожими на тѣхъ матерей - эгоистокъ, которыя, въ подобныхъ случаяхъ, пріязнь смѣняютъ холодностію, а иногда дикою враждой...

Итакъ, мистриссъ Грантонъ—вотъ та личность, которая послужила проводникомъ общественной стихіи въ уединенный ригористическій кружокъ. Но почему же она, при чтеніи романа, такъ мало и поздно обращаетъ на себя вниманіе? Вотъ и я теперь только, почти при самомъ концѣ своихъ замѣтокъ, вспомнилъ объ этой личности...

Почему?.. Но еслибы съ подобнымъ вопросомъ обратиться къ самой мистриссъ Грантонъ, — она вмѣсто отвѣта удивилась бы только самому вопросу... Гдѣ жизнь идетъ впередъ, гдѣ люди сознаютъ и чувствуютъ это движеніе, тамъ подобное явленіе слишкомъ понятно и не возбуждаетъ никакого недоумѣнія. Дѣло въ томъ, что мистриссъ Грантонъ — уже зрѣлый плодъ, готовый для посѣва, достоинство котораго опредѣляется достоинствомъ новаго всхода; она представительница стараго поколѣнія, роль и назначеніе котораго состоятъ въ томъ, чтобы все добытое жизнію передать новому поколѣнію. Чѣмъ лучше выполняется эта роль, чѣмъ полнѣе развивается, подъ вліяні-

емъ стараго поколѣнія новое, чѣмъ послѣднее болѣе дѣлаетъ успѣховъ и чѣмъ болѣе въ этомъ отношеніи затѣняетъ собою старое поколѣніе,—тѣмъ болѣе чести старому поколѣнію. Вотъ почему мистриссъ Грантонъ такъ мало замѣтна въ романѣ! Еслибъ она не исполнила своей роли и своего назначенія, еслибы, подъ ея вліяніемъ, не образовалась Дора, затѣнившая ее собою: kakъ была бы тогда замѣтна мистриссъ Грантонъ?

VII.

Мнѣ нужно теперь коснуться едва ли не самой важной стороны романа *Жизнь за жизнь*, по крайней мѣрѣ, стороны болѣе внутренней.

Вмѣстѣ съ развитіемъ общественности, вмѣстѣ съ возрастаніемъ нравственнаго богатства, въ народѣ совершается особенный процессъ, который, съ одной стороны, приводитъ въ порядокъ уже добытыя богатства, а съ другой облегчаетъ пріобрѣтеніе новыхъ богатствъ. Разнообразныя стихіи жизни, расширяясь и развиваясь, получаютъ въ чувствѣ народа каждая свой удѣльный вѣсъ. Сверхъ того, всѣ стихіи выходятъ изъ своей первоначальной разобщенности, проникаютъ одна другую, и между ними образуется связь живаго организма. Надобно прибавить, что этотъ процессъ совершается постепенно; надобно еще прибавить, что, въ сознаніи народа, сначала уясняются стихіи менѣе важныя, но болѣе близкія къ вседневной жизни, а важнѣйшая стихія, именно религіозная, уясняется послѣ всѣхъ другихъ. Но уясняясь, она проникаетъ всѣ другія: религія перестаетъ жить исключительно только въ храмахъ, проявляться только въ священнослуженіяхъ и обрядахъ, но переходитъ въ жизнь какъ частную, такъ и общественную. Наконецъ, нужно еще прибавить и то, что уясненіемъ религіозной стихіи процессъ не заканчивается. Начала, лежащія въ основѣ того или другаго христіанскаго вѣроисповѣданія, прикасаясь дѣйствительной жизни, проникая ее и управляя ею, подвергаются чрезъ это самое своего

рода испытанію: тутъ открывается, вполнѣ ли истинны сами по себѣ эти начала, вполнѣ ли вѣрны духу Евангелія, нѣтъ ли въ нихъ чужой примѣси и прибавленій, нѣтъ ли какихъ-либо урѣзовъ сдѣланныхъ человѣческою рукой.

Въ Англіи давно уже начался великій внутренній процессъ; здѣсь онъ достигъ уже того момента, когда религіозная стихія, важнѣйшая изъ всѣхъ стихій, дѣлается въ жизни господствующею и всепроникающею стихіей. Мало того: религіозныя начала здѣсь уже стали подвергаться испытанію, и потому вопросъ объ истинномъ христіянствѣ или объ истинномъ христіянскомъ вѣроисповѣданіи—самый живой теперь вопросъ въ Англіи, и его рѣшеніемъ заняты не одни спеціалисты-богословы. Такое состояніе страны отражается очень полно и ясно въ ея литературѣ, не только учено-богословской, но и въ литературѣ беллетристической. Вслѣдъ за школой, къ которой принадлежатъ и во главѣ которой стоятъ великіе юмористы и сатирики, Диккенсъ, Теккерей и Бульверъ, безпощадно-казнящіе антигуманные и противуобщественные остатки англійской старины, образовалась новая многочисленная школа писателей, которые въ своихъ произведеніяхъ разрѣшаютъ религіозные вопросы. Къ этой школѣ принадлежитъ и авторъ романа *Жизнь за жизнь*.

Я слышалъ, да и читалъ, что этотъ романъ произвелъ въ Англіи сильное впечатлѣніе. Дѣйствительно, *Жизнь за жизнь*—прекрасный романъ; но по своимъ художественнымъ достоинствамъ онъ нисколько не возвышается надъ обыкновенными произведеніями англійской литературы. Поэтому мнѣ кажется, что большой успѣхъ его въ Англіи надобно объяснять именно тѣмъ, что въ немъ поднятъ религіозный вопросъ, касающійся самой сущности англиканскаго вѣроисповѣданія, и что этому вопросу дается въ немъ такое рѣшеніе, какое возможно именно въ средѣ англиканскаго вѣроисповѣданія. Какой же это вопросъ и какъ онъ рѣшается?

Въ романѣ *Жизнь за жизнь* очень ясно представлено то религіозное колебаніе между двумя довольно различными, но проистекающими изъ одного источника, направленіями, какое теперь совершается въ Англіи. Одно изъ нихъ называется *ригористическимъ*; но мнѣ кажется, его можно назвать *ветхозавѣтнымъ*. Другое направленіе, въ

разныя времена, въ разныхъ религіозныхъ партіяхъ, получало различныя названія, но не имѣетъ общаго имени; мнѣ кажется, его можно назвать, въ противоположность первому, *новозавѣтнымъ*. Такое названіе идетъ этому направленію, по крайней мѣрѣ въ томъ отношеніи, что христіане, слѣдующіе ему, *искали и ищутъ* въ чемъ состоитъ духъ и сущность Евангелія.

Нужно сказать два-три слова относительно того, какъ образовались эти два направленія.

Сущность христіанства слагается изъ двухъ сторонъ, самымъ тѣснымъ образомъ соединенныхъ между собою. *Таинства* — вотъ одна сторона христіанства: человѣкъ, искупленный страданіями Богочеловѣка, находится въ живой связи съ Богомъ; отъ Него онъ получаетъ жизненныя духовныя силы; между Богомъ и человѣкомъ существуютъ проводники, посредствомъ которыхъ невидимо, но ощутимо для человѣка, льются на него токи оживляющей благодати, очищающей его, возвышающей къ Богу. Въ уясненіи и опредѣленіи этой стороны христіанства прошли первые восемь вѣковъ. Но христіанинъ не исчезаетъ въ Богѣ; онъ — самостоятельная *личность*, цѣнная и дорогая въ очахъ самаго Бога; чѣмъ тѣснѣе связь его съ Богомъ, чѣмъ обильнѣе льются на него токи благодати, тѣмъ онъ способнѣе къ *личной*, *самостоятельной*, *свободной жизни и дѣятельности*: это другая сторона христіанства. Уклоненіе католицизма состояло въ томъ, что онъ, извративъ первую сторону христіанства, замѣнивъ Христа въ благодатномъ царствѣ намѣстникомъ Его, бюрократомъ папой, превративъ епископовъ и священниковъ въ чиновниковъ, сдѣлавъ изъ таинствъ орудіе деспотизма и позорную продажу, почти совершенно уничтожилъ другую сторону христіанства, и посягнулъ на личную свободу искупленнаго человѣка, дорогую въ очахъ самаго Бога. А реформаторы, въ противоположность католичеству, развивая вторую сторону христіанства, посягнули на первую. Кромѣ крещенія, они всѣ остальныя христіанскія таинства или вовсе отвергли, или перетолковали совершенно человѣкообразно, или заподозрили. Англичане—народъ очень послѣдовательный по своему характеру. Когда они сдѣлались протестантами, они сразу почувствовали смутно односторонность своего новаго исповѣданія, и у нихъ протестантизмъ

лался ригористомъ. У нѣкоторыхъ этотъ ригоризмъ проявлялся въ томъ, что они до самой смерти откладывали *крещеніе*. По этимъ именно побужденіямъ Константинъ Великій крестился уже на смертномъ одрѣ. Другихъ ригоризмъ побуждалъ къ чрезвычайнымъ подвигамъ самоотверженія; такъ многіе сами искали и напрашивались на мученичество. Втретьихъ ригоризмъ производилъ особенную строгость къ своимъ братіямъ, слабымъ христіянамъ, и они требовали, чтобы всѣ такъ-называемые *падшіе*, особенно отрекавшіеся отъ христіянства по страху мученій, не были вновь принимаемы въ общество вѣрующихъ. Вся церковь глубоко была потрясена этимъ ригоризмомъ; было нѣсколько соборовъ, на которыхъ разсуждали о причинѣ великаго волненія и какъ успокоить его. Умы и сердца всѣхъ обратились за разрѣшеніемъ великаго вопроса къ новозавѣтному писанію, и плодомъ усиленнаго и самаго тщательнаго вникаиія въ его смыслъ было полное уясненіе *таинства покаянія*, какъ такого священнаго дѣйствія, которое возвращаетъ вѣрующему во Христа ту чистоту, какую онъ получилъ при *крещеніи*. Такъ палъ ригоризмъ въ первые вѣка христіянства. Но почему же развился онъ снова послѣ многихъ столѣтій? Почему событія древнихъ временъ не послужили вразумительнымъ урокомъ для временъ позднѣйшихъ? Потому что протестантизмъ захотѣлъ перенестись къ самому началу христіянства, къ апостольскому вѣку, помимо тѣхъ вѣковъ, которые отдѣляли его отъ этого вѣка, и сдѣлаться *евангелическимъ* вѣроисповѣданіемъ. Вотъ почему пропали для протестантизма уроки прошедшей жизни христіянства, стоившіе ему кровавыхъ трудовъ, многихъ жертвъ и великихъ усилій...

Въ другомъ религіозномъ направленіи, образовавшемся въ Англіи со времени введенія протестантизма, видно стремленіе отыскать и уяснить для себя затѣненную въ протестантизмѣ таинственную сторону христіянства. Въ чемъ проявляется связь Бога съ искупленнымъ человѣкомъ? Какъ льются въ душу токи небесной благодати? Вотъ вопросы, какіе задавали себѣ христіяне другаго направленія. Очевидно, они сознавали неполноту протестантизма и искали его восполненія. Но свои вопросы они хотѣли рѣшить не выходя изъ круга начерченнаго протестанти-

змомъ. Въ христіянствѣ или христіянскомъ мірѣ они видѣли только безчисленный рядъ отдѣльныхъ личностей, не соединенныхъ между собою въ одно духовное общество, и не возвысились до идеи о томъ что́ называется *Церковію*. Поэтому свои вопросы англійскіе христіяне рѣшали такимъ образомъ: на каждаго отдѣльнаго христіянина непосредственно льются благодатные токи, на каждаго непосредственно нисходитъ озареніе Святаго Духа. Такое рѣшеніе вопросовъ повело къ иллюминатизму, религіознымъ экзальтаціямъ, мистицизму. Люди съ горячимъ воображеніемъ, особенно женщины, стали считать себя за пророковъ, собственныя фантазіи стали выдавать за внушенія Святаго Духа. Послѣдовательный и практическій характеръ Англичанъ спасъ ихъ отъ той крайности, къ какой привело ихъ исканіе таинственной стороны христіянства, и скоро (именно въ началѣ нынѣшняго столѣтія) религіозное направленіе, о которомъ у меня теперь рѣчь, существенно измѣнилось въ своемъ характерѣ. Все мистическое, все экзальтированное было отброшено, какъ ведущее къ одному дурному, оставлено только самое главное и существенное, лежащее въ основѣ этого направленія, именно убѣжденіе, что человѣческая душа, человѣческое чувство,—вотъ источникъ всего добраго, нравственнаго, святаго. Когда англійскіе христіяне дошли до такого убѣжденія, имъ стало особенно близко и родственно новозавѣтное ученіе *о любви*, какъ началѣ всей нравственности. Въ любви они стали видѣть всю сущность христіянства, всѣ его таинства, и сдѣлались горячими проповѣдниками любви. Въ нынѣшнемъ столѣтіи, въ Англіи образовалось очень много миссій, которыя дѣйствуютъ во всѣхъ частяхъ свѣта. Предметъ проповѣди у всѣхъ миссіонеровъ одинъ—*любовь*. И съ какимъ энтузіазмомъ, съ какою непобѣдимою силой они раскрываютъ этотъ предметъ! Вотъ, напримѣръ, въ маѣ 1861 года, былъ въ Парижѣ англійскій миссіонеръ г. Радклифъ. Всѣ его проповѣди содержали въ себѣ одну мысль: „Богъ возлюбилъ насъ, и мы должны любить другъ друга.“ Это мысль слишкомъ простая и обыкновенная въ христіянствѣ; а между тѣмъ она выражалась съ такою силой убѣжденія, что дѣйствовала электрически на слушателей, и съ каждою новою проповѣдью нужно было мѣнять залу, потому что прежняя оказывалась тѣсною. Видя въ любви самую сущность

христіянства, средоточіе всѣхъ его таинствъ, новѣйшіе англійскіе проповѣдники совершенно равнодушны къ тѣмъ догматическимъ различіямъ, какія существуютъ между христіянскими вѣроисповѣданіями. Но надобно думать, что на этомъ дѣло не остановится у нихъ; рано или поздно они увидятъ неполное рѣшеніе занимающаго ихъ вопроса, рано или поздно найдутъ истинное христіанское вѣроисповѣданіе, котораго давно ищутъ: кто ищетъ, тотъ найдетъ.

Первоначально ригоризмъ былъ преобладающимъ направленіемъ въ Англіи; между тѣмъ другое направленіе, пока оно запечатлѣно было мистическимъ и экзальтированнымъ характеромъ, существовало въ частныхъ религіозныхъ сектахъ, съ разными именами. И надобно отдать должную справедливость англійскому ригоризму: несмотря на свои недостатки, онъ имѣлъ доброе вліяніе на воспитаніе англійскаго національнаго характера. Та ровность, твердость, законность, послѣдовательность, вѣрность принятымъ началамъ, всѣ эти прекрасныя качества развиты въ Англичанахъ подъ вліяніемъ ригоризма. Но когда другое религіозное направленіе измѣнилось въ своемъ характерѣ, оно быстро стало торжествовать надъ ригоризмомъ, или вовсе уничтожая его, или смягчая и оживляя. Торжеству этого направленія чрезвычайно много способствовало распространеніе гуманныхъ идей. Такія идеи усвоили себѣ сами ригористы и вмѣстѣ съ этимъ сдѣлались совершенно безсильны передъ другимъ жизненнымъ направленіемъ.

Авторъ романа *Жизнь за жизнь* принадлежитъ, очевидно, къ этому послѣднему направленію; но онъ очень хорошо понимаетъ сущность и перваго направленія, а также и тѣ взаимныя отношенія, въ какихъ находятся между собою, въ настоящее время, оба направленія. Поэтому оба направленія представлены въ его произведеніи очень ясно и полно, и въ этомъ заключается высокое достоинство романа *Жизнь за жизнь*.

Но, смотря на героевъ этого романа, ихъ дѣйствія, ихъ убѣжденія, вообще на послѣдніе результаты ихъ жизни, съ высоты того христіянскаго вѣроисповѣданія, къ которому принадлежу я самъ, и которое полнотою христіянскихъ началъ (но, увы, не приложеніемъ къ дѣйствительной ихъ жизни!) несравненно выше англиканскаго, — я не могу не видѣть, что великія общехристіянскія и общечеловѣ-

ческія начала: гуманность и общественность еще не довели до конца своего дѣла, что ими еще не все выработано и уяснено что̀ должно быть выработано и уяснено для полноты и совершенной прочности жизни. Новозавѣтная нравственность восторжествовала надъ ветхозавѣтною: это великій шагъ. Живому человѣческому чувству отданы его законныя права: этому нельзя не радоваться. Но гдѣ это самое чувство должно находить для себя оправданія и повѣрки? Гдѣ оно должно искать для себя опоры и утвержденія? Въ чувствѣ или симпатіи другаго? Такъ отвѣчаетъ романъ. Но прочна ли такая опора? Въ свою очередь и она не нуждается ли въ поддержкѣ? Скрѣпя сердце, дѣлаю предположеніе: пусть мистеръ Эрквартъ лишится своей Доры,—дѣло очень возможное. Сохранится ли въ его душѣ тотъ миръ, какой внесла въ нее Дора? Не возвратится ли въ его душу прежняя тяжелая тревога? Не станетъ ли противъ него укоромъ даже и то, что онъ сдѣлался мужемъ Доры? Дѣлаю другое предположеніе, опять скрѣпя сердце: пусть Пенелопа, которая была такъ счастлива при первомъ проявленіи своей любви къ ближнимъ, пусть она будетъ встрѣчать въ отвѣтъ на свое чувство одну холодность, черную неблагодарность—дѣло очень возможное. Сохранится ли въ ней вѣра въ людей, и что̀ будетъ поддерживать въ ней эту вѣру? Не воротится ли къ ней прежняя ея холодность? Авторъ романа не только не рѣшаетъ подобныхъ предположеній, но и не дѣлаетъ. Конечно, и я не буду рѣшать ихъ; потому что это значило бы заглядывать въ будущее жизни, и притомъ чужой жизни.

Такъ, общехристіанскія и общечеловѣческія начала: гуманность и общественность въ Англіи еще не довершили своего дѣла. Но они дѣйствуютъ въ англійской жизни, ими проникнута вся эта жизнь: и я думаю, я вѣрю, что рано или поздно они довершатъ свое дѣло...

Этою утѣшительною мыслію я и оканчиваю свои замѣтки...

Ораніенбаумъ.
27 іюля
1861 года.

М. ШАВРОВЪ.